

Морская летопись

ЛЕГЕНДЫ И БЫЛИ

СТАРОГО
КРОНШТАДТА

В.В. Шигин

Владимир Виленович Шигин
Легенды и были старого Кронштадта
Серия «Морская летопись»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17104402

*В. В. Шигин. Легенды и были старого Кронштадта: ООО «Издательство «Вече»; Москва; 2015
ISBN 978-5-4444-3521-2*

Аннотация

Уже при первом упоминании слова «Кронштадт» сразу же представляются одетые в гранит набережные и частокор корабельных мачт, перезвон склянок и мокрая брусчатка мостовой, низкое балтийское небо и молчаливые матросы в бушлатах с надвинутыми на лоб бескозырками...

На самом деле сегодняшний Кронштадт совсем не такой, как мы его себе представляем, а куда более яркий и многообразный. Ну, а каким был Кронштадт на заре своего существования во времена столь далекой от нас эпохи парусного флота? Какие люди проживали в нем и ходили по его улицам, отправлялись в далекие моря от его причалов, чтобы вернуться обратно через долгие месяцы, а то и годы? Все ли мы знаем о том, чем они жили и как трудились, чем увлекались и о чем мечтали? Увы, ветер времени давно рассыпал их прах, не сохранив в большинстве случаев даже могил. Однако читателю предоставляется редкая возможность прикоснуться к старому и почти уже неизвестному Кронштадту, прикоснуться к его легендам...

Содержание

Часть первая. Корабли уходят, а Кронштадт остается	5
Глава первая. Котелок с горячей кашей	5
Глава вторая. Эх, ты, жизнь Кронштадтская!	12
Глава третья. Господа офицеры	29
Глава четвертая. Братцы матросы	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Владимир Шигин

Легенды и были старого Кронштадта

© Шигин В. В., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2015

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

*Моим друзьям-кронштадтцам Михаилу и Татьяне Марченко
посвящаю эту книгу.*

Автор

Уже при первом упоминании слова «Кронштадт» сразу же представляются одетые в гранит набережные и частокол корабельных мачт, перезвон склянок и мокрая брусчатка мостовой, низкое балтийское небо и молчаливые матросы в бушлатах с надвинутыми на лоб бескозырками...

На самом деле сегодняшний Кронштадт совсем не такой, как мы его себе представляем, а куда более яркий и многообразный. Чтобы убедиться в этом, достаточно просто посетить этот удивительный город и пройтись по его проспектам и скверам. Вы увидите и Кронштадт, и его жителей.

Ну а каким был Кронштадт на заре своего существования, во времена столь далекой от нас эпохи парусного флота? Какие люди проживали в нем и ходили по его улицам, уходили в далекие моря от его причалов, чтобы вернуться обратно через долгие месяцы, а то и годы? Все ли мы знаем о том, чем они жили и как трудились, чем увлекались и о чем мечтали? Увы, ветер времени давно рассыпал их прах, не сохранив в большинстве случаев даже могил. Однако у нас все же есть уникальная возможность прикоснуться к старому и почти уже неизвестному Кронштадту, прикоснуться к его легендам...

Часть первая. Корабли уходят, а Кронштадт остается

Глава первая. Котелок с горячей кашей

Начинать предысторию Кронштадта следует, видимо, с XVII века, когда для России военно-политическая обстановка на балтийском побережье сложилась исключительно тяжелой. Древняя русская Ижорская земля была захвачена Швецией, и Россия оказалась практически отрезанной от Балтики. Несмотря на упорную многовековую борьбу за выход к морю, сделать это все никак не удавалось.

Владения Швеции на побережье Балтики между тем постоянно расширялись. Балтийское море постепенно превращалось во «внутреннее шведское озеро», где господствовал многочисленный шведский флот.

Именно поэтому, решив в 1696 году, взятием крепости Азов, вопрос о выходе России к берегам Азовского моря, Петр I обратил свой взор на берега Балтики. Весной 1700 года, заручившись поддержкой Дании и Польши, он начинает долгую и кровопролитную борьбу со Швецией за выход к балтийским берегам, вошедшую в историю как Северная война.

Начало новой войны было для России крайне неудачным. Уже в июне 1700 года шведский флот во главе с королем Карлом XII появился у побережья союзной нам Дании. Сюда же прибыли боевые корабли Англии и Голландии. Армада под флагами трех наций в составе 60 линейных кораблей подошла к Копенгагену и жестоко бомбардировала датскую столицу. Результатом бомбардировки стал выход Дании из войны со Швецией. Война еще практически не началась, а Россия потеряла своего главного союзника.

Не прошло двух месяцев с момента капитуляции Дании, как шведский флот высадил в Рижском заливе армию Карла XII, которая нанесла серьезное поражение нашей армии в кровопролитнейшем сражении под Нарвой. Теперь все надо было начинать с нуля – воссоздавать разгромленную армию и строить флот...

Имея опыт Азовских походов, Петр прекрасно понимал, что, не построив на берегу Балтики крепостей и не заведя собственного флота, бороться за обладание морем бессмысленно. Поэтому на северо-западе России немедленно началось строительство транспортных судов, а затем и боевых кораблей. Уже в январе 1701 года было приказано «на реках Волхове и Луге для нынешней свейской службы сделать 600 стругов». Наряду с постройкой стругов были переписаны и приобретены все транспортные средства у частных владельцев на Ладожском и Онежском озерах, на Свири, Тихвине, Волхове и других реках. У «бывалых людей» собирались подробные сведения о путях подхода от устья Волхова к Неве. Впрочем, это было только начало.

Зимой 1702 года Петр приступил к созданию верфи на впадающей в Ладогу реке Сясь. Там сразу же началась постройка первых боевых кораблей. Спустя год кораблестроительные работы развернулись на Волхове. Весной 1703 года к постройке кораблей приступили и на реке Свирь. Здесь у Лодейного поля были созданы знаменитые Олонецкие верфи, ставшие основным центром создания будущего Балтийского флота. Для кораблестроительных работ и комплектования команд переводились опытные мастера и моряки с Азовского флота.

Первым кораблем, построенным на Олонецких верфях, стал фрегат «Штандарт». Следом за фрегатом построили галеры «Золотой орел», «Надежда», «Федор Стратилат» и другие.

Пока главные силы Карла XII были задействованы в Польше, Петр решил, не теряя времени, пробивать выход к морю. Весной 1702 года наши войска стали теснить шведов к побережью Финского залива. Боевые действия развернулись на берегах Ладожского и Чудского озер, где противник имел флотилии боевых кораблей.

В мае 1702 года в проливе, соединяющем Чудское озеро с Псковским, отряд наших судов был встречен шведской эскадрой под командованием командора Лешерна. Завязался упорный бой, продолжавшийся в течение трех дней. Вражеским огнем было разбито и потоплено несколько карбасов. Однако наши на своих утлых суденышках смело шли на abordаж и захватывали неприятельские суда. В первом же бою с эскадрой Лешерна была захвачена шведская яхта «Флундран», затем яхты «Виват» и «Вахтмейстер». Шведы отошли, а наши прорвались в Чудское озеро.

Затем боевые действия начались и на Ладожском озере, где находилась шведская эскадра вице-адмирала Нумерса. 15 июня 1702 года произошел первый бой. Шведские суда стояли на якорях недалеко от устья реки Вороны. Наши внезапно атаковали неприятеля, нанесли серьезные повреждения флагманской бригадине «Джойа» и вынудили шведов уйти. Вскоре противнику был нанесен еще более сильный удар. 30 русских карбасов напали на эскадру Нумерса около Кексгольма и причинили ей серьезный урон. Шведы потеряли несколько судов и до трехсот человек убитыми и ранеными.

После этого Нумерс покинул Ладогу, уйдя в Финский залив. Теперь наши войска получили возможность осадить Нотебург, древнюю русскую крепость Орешек у истоков Невы, закрывав выход из Ладожского озера к морю.

11 октября, после десятидневной непрерывной бомбардировки Нотебурга, русские войска пошли на штурм. Добравшись на судах до острова, они «начало приступа со всех сторон крепости жестоко учинили». Потери атакующих были огромны, но неприятельский гарнизон в конце концов «ударил шамад», т. е. капитулировал.

– Зело жесток этот орех был, – с удовольствием говорил Петр после взятия Нотебурга-Орешка, – однако, слава богу, счастливо разгрызен.

* * *

Взятие Нотебурга расчистило нам путь на Балтику. Не теряя времени, наши войска двинулись вниз по Неве к Финскому заливу. Овладев средним течением реки, армия Шереметева весной 1703 года вышла к ее низовьям, где находилась шведская крепость Ниеншанц, и захватила ее.

На следующий день после взятия Ниеншанца у устья Невы появилась шведская эскадра вице-адмирала Нумерса. Не предполагая, что Ниеншанц уже занят русскими войсками, неприятельские корабли спокойно встали на якорь возле берега. При этом два судна – «Гедан» и «Астрильд» зашли в реку и бросили якоря в отдалении от основной эскадры.

Этой неосмотрительностью противника и воспользовался Петр I.

Едва солнце скрылось за горизонтом, в светлых сумерках к устью Невы на лодках направились два отряда – преображенцев и семеновцев.

На рассвете 7 мая отряд лодок с солдатами во главе с Петром и Меншиковым (ибо «понеже иных, на море знающих, никого не было») неожиданно атаковал эти суда. При этом на лодках не было ни одной пушки, тогда как у противника имелось 18 орудий.

Шведы, еще ночью заметив обходящие их лодки, сыграли тревогу и подняли паруса, намереваясь присоединиться к эскадре. Однако сильный встречный ветер и узости протоки им в этом препятствовали. Шведская эскадра также подняла паруса, пытаясь прийти на помощь попавшим в ловушку товарищам, однако войти в Неву не решилась. Пытаясь уйти от приближающихся лодок, шведы поливали их картечью.

Но лодки уже вплотную подошли к неприятельским судам, и солдаты бросились на abordаж. Сам Петр, «не щадя своей монаршей милости», одним из первых пробился на палубу «Астрели» с топором и гранатой в руках. На палубах «Гедана» и «Астрильда» разгорелся ожесточенный рукопашный бой. Часть шведов бросилась выбирать якоря, другая пыталась поднять паруса...

На флагманском шведском корабле в бессильной ярости перебегал от борта к борту потрясенный происходящим Нумерс.

На шведской эскадре давно сыграли тревогу, начали сниматься с якорей, но, как назло, остовый, противный ветер усилился, развел крупную встречную волну. Не прошло часа, как стрельба прекратилась на шняве и галиоте... От бессилия Нумерс сжал кулаки – он прекрасно понимал, что значила эта наступившая тишина.

Схватка была короткой, но кровавой. Убитых тут же предали морю, пленных заперли в трюм.

Жесткий характер битвы подтверждает сам Петр в письме Федору Матвеевичу Апраксину: «Понеже неприятели пардон зело поздно закричали, того для солдат унять трудно было, которые, ворвався, едва не всех покололи, только осталось 13 живых. Смею и то писать, что истинно с 8 лодок только в самом деле было. И сею, никогда бываемою викториею вашу милость поздравляю».

Теперь надо было торопиться и уводить суда. Последовала команда Петра:

– С якоря сниматься, паруса ставить!

Первым шел на 8-пушечном «Астрильде» сам Петр, за ним в кильватер – 10-пушечный «Гедан» под командой верного Александра Меншикова. Победители привели свои трофеи в полдень следующего дня к стенам крепости, получившей название Шлотбург.

Журнал Петра отметил: «...а мая 8-го о полуночи привели в лагерь к фельдмаршалу оные взятые суда, борт адмиральский, именуемый “Гедан”, на оном десять пушек 3-фунтовых, да шняву “Астрел”, на которой было 14 пушек. Людей на оных было всего 77 человек, из того числа побито: поручиков – 2, штурманов – 1, подштурманов – 1, констапелей – 2, боцманов – 2, боц-манатов – 2, квартирмейстеров – 1, волонтеров, матросов и солдат – 47 человек, в полон взято: штурман – 1, матросов и солдат – 17, кают-юнг – 1».

Крепостные стены озарились залпами салюта. Русские полки приветствовали первый корабельный трофей на море. Военный совет состоялся в тот же день и был единогласен. Капитана Петра Михайлова и поручика Меншикова наградили орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Кроме того, государь получил чин капитана-командора. Вручал ордена первый кавалер этого ордена генерал-адмирал Головин. На эту награду Петр в письме графу Апраксину отреагировал так: «Хотя и недостойны, однако ж от господина фельдмаршала и адмирала мы с господином поручиком учинены кавалерами Святого Андрея».

Этой небольшой, но очень важной победе Петр радовался беспрдельно.

Верный соратник царя Тихон Стрешнев, славившийся знанием российского прошлого, откликнулся на одержанную викторию следующим письмом: «А за такую, государь, храбрым привотцам прежде всего какие милости бывали, и того в Разряде не сыскано, для того, что не бывало взятия кораблей на море никогда; и еще в сундуках станем искать, а, чаю, сыскать нечево, примеров таких нет».

Впоследствии оба шведских судна были взяты и включены в состав русского флота. Все офицеры, участвовавшие в бою, были награждены золотыми медалями с цепями, а солдаты – серебряными медалями без цепей. На одной стороне медали находился барельефный портрет Петра I, а на другой – фрагмент боя и надпись: «Небываемое бывает. 1703».

По правительственному заказу были изготовлены и гравюры с изображением взятых судов и видом боя. Приказом главнокомандующего ВМФ России от 19 декабря 1995 года

день 18 мая объявлен днем создания Балтийского флота и с 1996 года ежегодно отмечается как День Балтийского флота.

* * *

Сразу же после овладения всем течением Невы и выходом к Финскому заливу Петр решил укрепиться в этом месте. Уже 16 мая 1703 года на берегу Невы была заложена Петропавловская крепость, положившая начало основанию новой столицы России – Санкт-Петербурга.

Работы по строительству крепости и города еще только начались, но их следовало обезопасить от возможных атак шведского флота, который все еще держался неподалеку.

Поэтому, как только шведская эскадра вице-адмирала Нумерса с наступлением заморозков покинула восточную часть Финского залива, Петр решил выйти на разведку в море. Два небольших русских судна в середине октября вышли из Невы и взяли курс на запад. В 30 километрах от побережья они обнаружили пустынный остров, заросший сосновым лесом. Это был Котлин.

Остров занимал очень важное стратегическое положение, находясь посередине Финского залива. Все крупные суда, идущие к Неве, должны были проходить вблизи от него, так как далее лежали обширные мели.

К вопросу происхождения названия острова Котлин существует легенда. Согласно ей, когда к берегу острова впервые подошла яхта Петра I в сопровождении галиота, то солдаты шведского сторожевого отряда кинулись к своим лодкам и бежали. На неприятельском привале остался гореть костер, на котором в чугунном котле только закипела пшенная каша. «По сему происшествию остров назван Котлиным», – писал первый историк Балтийского флота Н. А. Бестужев. И хотя сегодня историками выяснено, что на самом деле остров был известен под названием «Котлин» еще древним географам, а славяне, жившие издавна в этих местах, называли остров Котлином, потому что находился он в центре котловины, которая называлась Котлино-озером, история со шведским котлом до сих пор весьма популярна. Старому котлу поставлен памятник в центре Кронштадта, а сам он внесен в герб города.

Осмотрев Котлин и произведя промеры глубин, Петр решил поставить на нем передовой форт, прикрывающий строящийся Петербург со стороны моря.

Той же осенью к устью Невы прибыло первое голландское торговое судно, на следующий год – английское. Вслед за ними в Петербург стали прибывать десятки иностранных торговых судов под флагами многих европейских государств. Город в устье реки Невы становился главным портом России.

Зимой 1703–1704 годов на Котлине был расположен гарнизон, начата постройка береговых укреплений. На одной из отмелей, к югу от острова, была сооружена трехъярусная деревянная башня, на которой установили 14 орудий. На самом Котлине поставили береговую батарею. С этого, собственно, и начался будущий Кронштадт.

Построенные укрепления предназначались для обстрела фарватера, ведущего к Петербургу. 7 мая 1704 года состоялось торжество в честь закладки нового русского форта на Балтике, названного Кроншлотом. В переводе с голландского Кроншлот – это «коронный замок». Этот день и считается датой основания будущего Кронштадта. Расположение Кроншлота оказалось настолько удачным, что за всю его историю (и Кронштадта впоследствии) мимо него не прошел ни один вражеский корабль.

О значимости, которую придавал Кроншлоту Петр I говорит фраза из его инструкции коменданту: «Содержать сию цитадель с божиею помощью аще случится, хотя до последнего человека...»

Летом 1704 года шведы предприняли попытки отбросить наши войска от Финского залива. Эскадра шведского адмирала Депра пыталась высадить десант на Котлине, но он был отбит, а последовавшая двухдневная бомбардировка острова также не принесла никаких результатов. Столь же безуспешными оказались и усилия противника захватить Котлин зимой 1704 года.

Тем временем на Сяси, Ладоге и Свири кипела работа по постройке боевых кораблей. Осенью 1704 года первые корабли Балтийского флота стали прибывать по Неве в Петербург. 18 октября к Петропавловской крепости подошел первый отряд построенных кораблей.

К маю следующего года в состав Балтийского флота уже входили 24-пушечные фрегаты: «Штандарт», «Нарва», «Петербург», «Кроншлот», «Шлиссельбург», «Триумф», «Михаил Архангел» и «Дефам», 12-пушечные суда: «Копорье», «Мункер», «Дегас», «Яким» и нескольких галер – всего около 20 вымпелов. Возглавил флот вице-адмирал Крюйс.

Линейных кораблей в составе молодого флота еще не было, но они вот-вот должны были появиться.

В мае 1705 года русские корабли впервые вышли из Петербурга в Финский залив и заняли позицию у Кроншлота. Утром 4 июня на горизонте показались 22 корабля шведского адмирала Анкерштерна. Невдалеке от Котлина шведская эскадра встала на якорь. На следующий день после непродолжительного обстрела побережья со шведских кораблей началась высадка десанта. Как только десантные шлюпки приблизились к берегу, открыла огонь береговая артиллерия, затем в штыки ударили наши солдаты. Шведский десант был сброшен в воду. «Бежали на свои суда с великим страхом и, будучи в такой конфузии, при страхе суда свои опрокинули, отчего многое число неприятелей потонуло», – гласит хроника.

Желая взять реванш, утром 10 июня Анкерштерн на всех парусах направился к боевой линии русского флота. Став на якоря, шведские корабли открыли сильный артиллерийский огонь. Наши отвечали. Отмечая «добрую бодрость офицеров, матросов и солдат» в борьбе со шведами, вице-адмирал Крюйс писал: «Мы со своей стороны с батареей, кораблей и галер им ни малого не поступили и не остались им ничем должны. Чинили наши ядра многую им шкodu... Наши пушки с кораблей таково метко стреляли, будто из мушкетов, и нам часто и многожды можно было слышать, как ядра в корабли неприятельские щелкали...»

Не выдержав ответного огня наших кораблей и береговых батарей, шведская эскадра стала отходить от Кроншлота. После боя «был неприятель, – писал Крюйс, – зело в тихости, и по зрению нашему с острова можно видеть, что то и делают мачты и ванты починивают, и мы видели на одном корабле семь заплат... Неприятельский вице-адмирал всю ту ночь на одном боку лежал для починки».

Но и на этом шведы не успокоились.

14 июля неприятельский флот в 29 вымпелов вновь приблизился к Котлину для решительной атаки. На этот раз неприятельская эскадра показалась на норд-весте. Крюйс, поднявшись на шканцы флагманского корабля, рассматривал противника в зрительную трубу и насчитал двадцать пять вымпелов.

– Авангардия шведская держит курс к западному мысу Котлина. Видимо, там и будет делаться главная диверсия, – сделал он свой вывод.

Теперь все зависело от отряда Федора Толбухина, прикрывавшего западную часть острова.

Итак, направление удара шведов определилось, и теперь надо было успеть подкрепить Толбухинский полк резервом.

– Послать шлюпки на берег, передать Островскому: пушкарей и солдат две сотни, отрядить немедленно в помощь Толбухину. Там сегодня жарко будет! – велел Крюйс.

– Неприятель ворочает! – прокричали наблюдатели с мачты.

Не доходя полторы мили до оконечности острова, часть шведских кораблей повернула на ост, другая же спускалась к зюйду. На флагманском корабле адмирала Анкерштерна «Вестманланд» подняли красный флаг – сигнал к атаке.

Было очевидно, что шведы берут нашу батарею на оконечности Котлина в два огня.

Офицеры вокруг Крюйса уже прикидывали расклад сил:

– Ежели по кораблям судить, стволов шестьсот против шестнадцати. К эскадре нашей они не сунутся, побоятся огрести на орехи, а вот береговым достанется.

Крюйс, перекрестившись, скомандовал:

– Поднять красный флаг на правом ноке!

Наши приняли вызов шведов и начали бой...

Шведы расположили корабли на якорях в две линии, окружили западный мыс с севера и юга. Пять часов без перерыва утюжили ядрами батарею и траншеи толбухинского полка на косе. Тысячи ядер взрыли косогор, не оставляя там живого места. И все же шведы прощитаались. Траншеи и брустверы надежно укрыли преображенцев. Не зная этого и полагая, что берег от русских уже очищен, Анкерштерн в полдень отдал приказ начать высадку.

К берегу двинулось до полусотни шлюпок. На их борту – тысяча семьсот шведских отборных гренадер. Едва шлюпки ткнулись в песок, шведы попрыгали в воду и, еще не доходя берега, развернулись в атакующие порядки. И вот, когда до спасительной суши оставались какие-то метры, появившиеся буквально ниоткуда преображенцы произвели первый залп. Наши били в упор, и практически никто не промахнулся. Первая шеренга шведов была мгновенно выкошена. На поверхности плавали лишь шапки гренадер...

А вдоль береговой линии уже сверкало пламя, свистела картечь. Это, поддерживая преображенцев, вступила в дело замаскированная артиллерия.

Из реляции Крюйса: «По полуночи в 6 часов неприятель начал всею своею силою из верхних и нижних пушек с обеих сторон с кораблей против острова стрелять. Однако нашим никакой вред не учинил, от того, что две тысячи двести человек солдат под командою полковника Толбухина лежали на земле в прикрытом месте и по неприятелю ни единого выстрела не было. А перед полуднем неприятель, посадив людей своих на мелкие суда, послал к берегу, и как они подошли недалеко от берега, тогда наши по неприятелю жестоко из пушек стреляли; а как оные пришли к берегу гораздо ближе, их взяли в мушкетную стрельбу; а как стали выходить из воды, им было выше колен, в некоторых местах глубже, а иные до дна не достали, иные же по горло в воде. Из наших 15 пушек непрестанно стреляли ядрами и картечами, от чего оные неприятели пришли в конфузию. И хотя из них некоторые вышли было на берег, однако ж оные в той конфузии все побежали назад на свои суда, из которых многие опрокинулись, и тогда 35 человек неприятелей на берег выхватили, а в 1 и 2 часу неприятель со всем флотом стал назад подаваться, тогда стрельба перестала. Неприятельских судов было ботов и шлюпов 29. Того же числа к берегу принесло с 400 человек мертвых неприятельских тел; тогда же взято в плен 3 капитана, 2 поручика, 2 прапорщика, 7 унтер-офицеров да рядовых 21 человек. В нашем ретраншементе убито 29 человек да 50 ранено».

Подобрав немногих уцелевших гренадер в шлюпки, шведы поспешно отошли в море, бросив у берега сотни своих убитых и раненых... Вдогонку с острова неслись ядра и бомбы, а из-за рогаток демонстративно выходила в погоню флотилия галер шаутбенахта Боциса.

Кровавый котлинский урок шведские адмиралы запомнили навсегда и уже до конца войны ни разу больше не испытывали судьбу на Невском взморье. Молодой русский флот и возведенная на острове крепость надежно закрыли морские ворота на Балтике.

А 7 (18) октября 1723 года на острове Котлин, в торжественной обстановке, состоялась закладка Петром I уже полноценной военно-морской крепости Кронштадт, «... которая заключала бы в себя весь город и все портовые сооружения, и служила бы делу обороны со всех сторон». Тогда же и крепость, и город на острове Котлин получили новое имя – Крон-

штадт, что дословно в переводе с немецкого означает «коронный город». Впрочем, сегодня более часто Кронштадт переводят в иносказательной форме как «город-крепость». В герб Кронштадта был внесен легендарный котелок с пшенной кашей, который некогда обнаружили наши солдаты на острове Котлин. Ныне в Кронштадте легендарному котелку установлен и небольшой памятник.

В последние годы жизни Петр особенно любил бывать в Кронштадте. Для него на Петровской «перспективе», обсаженной заказанными в Амстердаме липами, был построен небольшой домик с цветником. После трудового дня, пообедав, Петр любил прогуливаться с трубкой в зубах по «липовой перспективе». К сожалению, старый петровский домик до наших дней не сохранился.

Согласно одной из легенд, один раз, отправляясь в Кронштадт на небольшой яхте, Петр пригласил в поездку несколько европейских дипломатов. Отказываться, согласно дипломатическому этикету, они не могли и скрепя сердце согласились, тем более, что правил яхтой самолично российский император. Но едва яхта вышла из устья Невы, начался шторм, и утлое судно стало заливать волнами. Тут уж, наплевав на дворцовый этикет, посланцы держав европейских возопили, умоляя вернуться обратно, на что Петр хладнокровно заметил: «Чего вам бояться, когда вы с русским царем плывете!» Все в конце концов закончилось благополучно. В Кронштадте в виде моральной компенсации за пережитые волнения послов и накормили, и напоили от души. О том, как происходило возвращение в Петербург, история уже умалчивает.

Гордостью старого Кронштадта в XVIII веке являлись два старых дуба, посаженных, согласно одной легенде, лично Петром I на т. н. Горе, наиболее возвышенном месте города в районе бывшей Морской слободы. Согласно другой легенде, дубы росли на вершине Горы уже задолго до Петра. Он лишь распорядился окружить их оградой. Под дубами была поставлена для императора и беседка для отдыха. О кронштадтских дубах знал и Александр Сергеевич Пушкин. Есть сведения, что, будучи в Кронштадте, он пытался отыскать их, но к этому времени дубов уже не было. Возможно, история с кронштадтскими дубами осталась в его памяти, и именно поэтому впоследствии в «Сказке о царе Салтане» возникли такие строки:

...Мать и сын теперь на воле,
Видят холм высокий в поле,
Море синее кругом,
Дуб высокий над холмом...

Глава вторая. Эх, ты, жизнь Кронштадтская!

Жизнь Кронштадта в XVIII веке и первой половине XIX была весьма отличной от жизни обычных российских городов. Здесь все было иначе... Главная задача каждого порта – подготовить суда и команды к плаванью, а после окончания оно дать им приют, ремонт и отдохновение. В Кронштадте суда отстаивались и хранились между компаниями, при этом каждой осенью их консервировали на зиму.

В Кронштадте имелось и собственное адмиралтейство – специальное учреждение, обеспечивавшее все виды снабжения и ремонт судов. Адмиралтейства постоянно расширялись и совершенствовались. В 80-х годах XVIII века за обводным каналом Кронштадта, к примеру, были построены очень удобные для снабжения судов заводы: канатный, полотняный и сухарный, а также многочисленные мастерские. Все они функционируют до настоящего дня!

Кронштадтское адмиралтейство – это был целый мир, живущий по своим, только ему присущим законам. С раннего утра до поздней ночи здесь снуют люди. Кажется, что все движется хаотично, но на самом деле у каждого из снующих есть свое дело и каждый знает, как его делать быстро и толково. Помимо самих верфей, где воздвигаются корабельные корпуса, в адмиралтействе имеются всевозможные вспомогательные мастерские. Их такое множество, что непосвященный все и не упомнит: весельные, блоковые, столярные и парусные, резные, котельные, кузнечные и домкратные, буровые и инструментальные, якорные, меховые, фонарные и оконные, молярные, компасные, конопатные и бочарные, пильные, свечные и брандспойтные... В каждой мастерской кипит своя работа – опытные мастера и ученики-подмастерья обеспечивают российский флот всем, что ему необходимо. Рядом с адмиралтействами рабочие и матросские слободки. Там живут семейные рабочие и нижние чины.

Зимовка флота в Кронштадте требовала больших помещений и для размещения личного состава. Для этого Петр I еще в 1712 году велел собрать со всех губерний для строительства жилья на острове Котлин три тысячи строителей. С тех пор казармы в Кронштадте строились постоянно. Строились дома и для офицеров. В 80-х годах XVIII века адмирал Грейг построил для офицеров и морских чиновников в Кронштадте офицерские флигели, а для матросов – служительские флигели. Во дворах флигелей сбивали из досок макеты судов с полным парусным вооружением. На них учили парусным премудростям рекрут, гоняли по дворовым мачтам и старослужащих, чтобы те за зиму прыть не теряли. Между офицерскими флигелями ставили каменные заборы с каретными сараями и конюшнями. По дороговизне квартир в портах, всем офицерам при Павле I были назначены и особые «квартирные» деньги. Впрочем, несмотря на периодическую индексацию этой статьи выплат, во все последующее время суммы «квартирных» денег всегда значительно уступали суммам, которые реально выплачивались за съем квартир хозяевам. Увы, эта грустная традиция дожила и до XXI века...

Из воспоминаний литератора пушкинской эпохи Ф. В. Булгарина: «Едва ли был город в целом мире скучнее и беднее тогдашнего Кронштадта! Ни один город в Европе не оставил во мне таких сильных впечатлений, как тогдашний Кронштадт. Для меня все в Кронштадте было ощутительнее, чем для другого, потому что я, как аэролит, упал из высшей атмосферы общества в этот новый мир. В Кронштадте сосредоточивалась, как в призме, и отражалась полуобразованность чужеземных моряков в их своевольной жизни. В Кронштадте было только несколько каменных казенных зданий: казармы, штурманское училище, таможня, дома комендантский и главного командира, да несколько частных домов близ купеческой гавани. Деревянных красивых домов было также мало. Даже собор и гостиный двор были

деревянные, ветхие, некрасивые. Половина города состояла из лачуг, а часть города, называемую Кронштадтскою (примыкающую к Водяным воротам), нельзя было назвать даже деревней. Близ этой части находился деревянный каторжный двор, где содержались уголовные преступники, осужденные на вечную каторжную работу. На улицах было тихо, и каждое утро и вечер тишина прерывалась звуком цепей каторжников, шедших на работу и с работы в военной гавани. Мороз, благодетель России, позволял беспрепятственно прогуливаться по улицам Кронштадта зимою, но весною и осенью грязь в Кронштадтской части и во всех не мощенных улицах была по колено. Вид замерзшего моря наводил уныние, а когда поднималась метель, то и городской вал не мог защитить прохожих от порывов морского ветра и облаков снега. В Кронштадте не было не только книжной лавки или библиотеки для чтения, но даже во всем городе нельзя было достать хорошей писчей бумаги. В гостином дворе продавали только вещи, нужные для оснастки или починки кораблей, и зимою почти все лавки были заперты. Магазинов с предметами роскоши было, кажется, два, но в них продавали товары гостинодворские второго разбора. Все доставлялось из Петербурга, даже съестные припасы хорошего качества. Город был беден до крайности. Купцы, торговавшие с чужими краями, никогда не жили в Кронштадте, а высылали на лето в Кронштадт своих приказчиков. Кронштадт населен был чиновниками морского ведомства и таможенными офицерами флота, двух морских полков и гарнизона, отставными морскими чиновниками, отставными женатыми матросами, мещанами, производившими мелочную торговлю, и тому подобными. Между отставными чиновниками первое место занимали по гостеприимству барон Лауниц и Афанасьев (не помню, в каких чинах). У обоих были в семействе молодые сыновья, офицеры, и дочери-девицы, а потому в этих домах были собрания и танцы. Был и клуб, в котором танцевали в известные дни».

Относится к мнению Ф. В. Булгарина следует как к мнению очевидца, принимая, однако, во внимание тот факт, что в Кронштадте Булгарин оказался после Петербурга, и в своих мемуарах невольно сравнивает островной гарнизонный город со столицей огромной империи. Разумеется, что при любом раскладе в этом случае выводы всегда будут не в пользу гарнизонного города.

* * *

Каждый день Кронштадт просыпался в привычном грохоте барабанов и свистках боцманских дудок. Бастионы фортов еще едва проступали в белесых туманах, а над гаванью и рейдом уже был виден густой лес мачт, будто все флоты мира разом приплыли в пределы невские. Кронштадт – морской оплот империи, он первый и последний рубеж перед ее столицей, а потому службу здесь правят с особым тщанием и усердием. Это Петербург может спать сколько душе угодно, Кронштадт же назначен бдиль его державный сон.

Матросские ночи коротки, а потому к восходу солнца российские корабли уже сверкают отскобленными до молочной белизны палубами, в золото чищенной медью. Без десяти минут восемь хрипло пропели корабельные горны и матросы выстроились вдоль бортов, выравнивая босые ноги. Корабельные урядники в последний раз окинули придиричивым взглядом стоявших: все ли ладно? Без пяти минут вышли и дружно встали на шканцах офицеры в шляпах и при кортиках. За минуту поднялись из своих салонов командиры с тростями в руках и в сиянии орденов. Над морем повисла звенящая тишина, нарушаемая лишь плеском волны да криками чаек. В то же мгновение над флагманским 100-пушечным «Гавриилом» взлетел и рассыпался в воздухе трехцветный флаг – «исполнительный».

– На флаг шапки долой! – отозвались вахтенные лейтенанты.

Командиры, офицеры и команды обнажили головы. «Исполнительный», вздрогнув, стремительно полетел вниз по фалам.

– Время вышло! – отсалютовали еще не явившемуся солнцу вахтенные лейтенанты, воздев ввысь лезвия своих шпаг.

– Флаг поднять!

Разом развернулись на свежем ветре полотнища кормовых флагов и медленно поползли вверх по лакированным штокам. Засвистели трелями канарей-блоки, на каждом корабле на свой лад и свой манер. И в тот же миг из-за окоема показался край солнца. А многометровые Андреевские флаги, уже развернувшись во всю свою ширь, встречали восходящее светило. Русский флот встречал свой очередной день.

Итак, флаги подняты. Командующий флотом, одевши на голову шляпу, придирчиво оглядел ближайшие к нему корабли, велел подать катер и съехал на берег. У трапа адмирала провожал караул с мичманом и лейтенантом во главе. Ударил барабан, засвистала флейта. Несколько поодаль остальных – командир флагманского корабля. Как хозяин, он должен встречать и провожать своего флагмана.

– Что у вас на сегодня? – прощаясь, спросил его командующий.

– Грузим припасы боевые! – приложил тот пальцы к треуголке.

Вместо ответа адмирал согласно махнул рукой и убыл под барабанную дробь и пушечный залп.

– Сегодня погрузка боеприпасов, а потому присмотр за всем тройной имейте! – объявил командир своим офицерам и степенно удалился.

– Погрузка порохов завсегда дело святое – мичманское! За мной же догляд общий, лейтенантский, – хмыкнул офицер вахтенный и поднялся на шканцы править службу и изготавливать пожарную команду.

– Есть! – отозвался мичман и велел звать к себе боцмана, чтоб дать тому наряд на предстоящие работы.

А из дальнего угла гавани уже медленно выплывала кроваво-красная пороховая баржа. На мачте ее трепетал огромный красный флаг. Цвет красный – цвет огня и опасности. А потому на палубе баржи раскатаны шланги водяные.

Предосторожность не лишняя, ибо погрузка пороховая – дело нешуточное. При проходе баржи мимо кораблей, на них, согласно уставу, гасится всякий огонь. У баржи толстые, круто изогнутые борта и широченные люки для быстрой выгрузки порохов. Из недр ее линейному кораблю положено изъять полторы сотни бочек, каждая в английский центнер весом.

Мичман оглядел грузчиков. Как и положено, у всех матросов вывернуты наружу карманы, чтоб, не дай бог, где огнива не залежалось. Палубу до крюйт-камеры уже устлали мокрыми матами. Сама крюйт-камера в самом низу трюма. Чтоб добраться до нее, надо спуститься в люк опер-дека, затем через палубу в орлоп-дек, а там уж через брот-камеру и в саму крюйт. В крют-камере заведующие уже изготовили шахту с помповым ящиком, где все время имеется вода на случай скорого затопления.

– Господь ныне как никогда близок к нам, ребята! – объявил матросам мичман. – Может, кто и хочет в рай, но вряд ли найдется храбрец, чтоб перелететь туда сегодня по воздуху!

Матросы отвечали дружным смехом:

– Жизнь наша веселая, для чего ж смерть звать тошную?

Подошла баржа, началась погрузка. Мичман распоряжается на верхней палубе, внизу в кромешной тьме владевают уже офицер артиллерийский со шкипером. Он расставляет тесными рядами по полкам бочонки. Дело это многотрудное, ибо от того, насколько правильно будут расставлены бочки, будет зависеть, насколько быстро можно будет употребить их содержимое в бою.

Пороха тоже разные. Тот, что из самых крупных зерен – артиллерийский, из зерен размера среднего – мушкетный, из мелких – ружейный, и уж вся остальная пыль именуется пороховой мякотью и идет на приготовление сигнальных ракет и фальшфейеров.

С пороховой баржей матросы управились до обеда. Едва облизали ложки у каш артельных – новая дудка. На этот раз на разгрузку баржи с ядрами. Ядра поднимали сетками с мелкой ячейей. В каждой сети по шестнадцать штук. Один раз сеть все же прорвалась. Однако случилось это в самый последний момент, когда очередную партию уже готовились принять, ядра лишь рассыпались по палубе, никого не пришибив. Их быстро собрали и продолжили работы. Наконец опустела и вторая баржа.

С чувством исполненного долга, отстегнувши шпагу, отправился наконец мичман почаевничать в кают-компанию. Трудовой день уже позади, почему же не побаловать себя чайком с баранками?

* * *

Кронштадт должен был находиться во всегдашней готовности к войне, а потому он защищен фортами и береговыми батареями. Кронштадтский порт – убежище и дом для Балтийского флота, там моряки чувствовали себя в полнейшей безопасности. Поэтому особое внимание кронштадтские власти всегда уделяли предупреждению пожаров, которые в эпоху парусного флота были сущим бичом набитых порохом деревянных судов. Деревянные корпуса и паруса загорались в одно мгновение, и огромные корабли сгорали свечами в какие-то минуты. В тесноте гавани загоревшееся судно грозило стать источником пожара и для стоявших рядом судов. История российского флота знает немало случаев, когда при пожаре на одном лишь судне сгорали целые эскадры! Поэтому отношение к огню на русском флоте (как впрочем, и на всех других) было особо строгое, и особенно в портах. Поэтому на стоящих в кронштадтском порту судах во избежание пожаров категорически запрещалось даже курить. Наказание за это было жесточайшим, невзирая на чины и былые заслуги! Курить офицерам и матросам (в этом деле исключений не делалось ни для кого!) дозволялось только в караульном доме на брандвахте, а также за гаванью у особых бочек, поставленных на рейде. Поэтому в конце дня у этих бочек неизменно собирались шлюпки, до отказа забитые курильщиками, которые, пыхтя глиняными и пеньковыми трубками, так отводили свою душу. Нарушители порядка курения наказывались безжалостно. Офицеров и унтер-офицеров нещадно штрафовали. А для того, чтобы отношение к хулиганствующим курильщикам было соответствующее, начальники поступали вполне логично – при взимании штрафа четверть его отдавалась доносителю. Матросов-курильщиков, с которых и взять-то было нечего, нещадно пороли в назидание сотоварищам. Может быть, именно из-за этого среди матросов (да и офицеров) парусного флота в ходу был не столько курительный, сколько жевательный табак.

Любой огонь на стоящем в кронштадтском порту судне можно было разводить только с личного разрешения командира брандвахты, который присылал специально подготовленного унтер-офицера – «огневого». Огонь разводился только в присутствии последнего и при нем же должен был быть потушен. За самовольное разведение огня капитанов наказывали строжайше. Для тушения пожаров на каждой брандвахте имелись специальные портовые баркасы с брандспойтами. Пожарные баркасы надлежало содержать во всегдашней готовности и днем и ночью.

В Кронштадтском порту, где порядок, по близости столицы, должен бы быть лучше других, корабли, стоявшие в гавани, содержались крайне беспечно. Внутри них на палубах, осенью и весной, стояли лужи дождевой воды и лежали груды грязи, по бортам образовывались толстые слои плесени, и гнилой заразительный воздух держался в трюмах. Новые и старые корабли по году и по два стояли без конопачения, отчего пазы во время дождей напол-

нялись водой, которая, замерзая, раздирала их, а весной при таянии льда способствовала прелости и гнили. В случае приготовления корабля к плаванию конопачение начиналось весной, когда мокрота в пазах не успела не только просохнуть, но даже оттаять, и сырость, плотно прикрытая конопаткой, оставалась и усиливала гниение. При таком порядке корабль, даже и прочно построенный из хорошего леса, простояв два-три года в Кронштадтской гавани, требовал таких исправлений, как будто он провел лет пять в плавании.

От других российских городов Кронштадт отличался чистотой и большим количеством урн. В парках и скверах были насажены кусты сирени и жасмина. Так как красно-кирпичные здания имели весьма унылый вид, стены домов оплетали диким виноградом и хмелем. Пьяных в городе почти не было, не считая матросов в дни увольнений. Не было и бродячих собак, которые нещадно вылавливались. Порядок поддерживала полиция, воинские команды и дворники. Однако драки между матросами и солдатами были нередки.

В Кронштадте, как и в других портах России, вообще было положено соблюдать тишину и благопристойность. В российском флоте, в отличие от флотов других государств, царил настоящий культ тишины. Во время экзерциций-учений крики, ругань и суэта расценивались как неподготовленность. В портах любой шум и беспорядки прекращались специальными объездными шлюпками и командой брандвахты. После отбоя жизнь в порту замедлялась до подъема команды. Капитан, которому были необходимы срочные ночные работы, должен был брать на это «добро» у начальника брандвахты, который всегда соглашался на такие действия не слишком охотно.

Для собирания мусора с судов в гавани имелись особые плашкоуты. Они обходили суда несколько раз в день и давали знать о своем подходе к очередному судну ударами колокола. Точь-в-точь, как еще несколько лет назад звонили в колокольчики мусорщики в наших провинциальных городах. Увы, несмотря на большие затраты по наведению чистоты, реальных результатов удавалось достичь далеко не всегда.

Часто бывая в Кронштадте по делам службы, известный изобретатель генерал Шильдер на собственном опыте убедился в неудобстве поездок на остров в зимнее время. Поэтому он решил создать судно, которое могло бы плавать среди льда в Финском заливе зимой. Шильдер спроектировал паромы-ледопилы с паровыми пилами, установленными в носовой части, которые могли пилить не очень толстый лед. В 1836 году было построено два таких ледопила – «Петр Великий» и «Михаил». Однако когда их испытали в зимних условиях, опыт оказался не слишком удачным. Из-за громоздкости ледокольно-пильного механизма суда получились очень тихоходными на чистой воде, а из-за маломощности этого же механизма – столь же тихоходными и при плавании во льдах. Кронштадтцы прозвали их «паростоями». Простояв без дела восемь лет и принеся одни убытки, оба «паростоя» были пущены на слом, а кронштадтцы снова вернулись к парусным катерам.

* * *

Почту в Кронштадт перевозили зимой на специальных потовых буерах, а летом – на спасательных лодках из Ораниенбаума. Это было весьма трудно и опасно, а потому выполнялось командой из десятка матросов во главе с офицером. За это матросы получали по целковому, а офицер (как правило, это был мичман) – по три.

Современник так описывает весьма нелегкую работу кронштадтских почтальонов: «Нынче в пятницу почта была отправлена в 7,5 часа вечера; она шла на спасательной шлюпке с полозками, т. е. шлюпку, как обыкновенно, тащили 10 человек матросов по льду на веревке. Впереди шел унтер-офицер с багром. Почта лежала на шлюпке, около которой шел офицер-почтальон. Около 8 часов поезд тронулся. Те, которые перебирались таким образом, очень хорошо знают, как трудно это путешествие. Дело в том, что все люди, сопровожда-

ющие почту, или тащат шлюпку, или бегут около нее, непременно держась за борт ее или за веревку. Приходилось обходить бесчисленные полыньи и весьма опасные и совершенно разрыхлившиеся места. Нередко (даже весьма часто) случается, что кто-нибудь из путников проваливается, но всегда спасается или с помощью веревки, или за борт шлюпки, при которой находятся багры, доски и прочие средства спасения. Переправа делается в особенности затруднительна и опасна, если метель или пасмурность застанут путников в дороге. Так случилось и на этот раз: сделалось темно, пасмурно и почта только в 12 часу добралась до Ораниенбаума. Провалившихся было двое. Они сильно озябли и промокли до шеи. Товарищи поделились с ними своим верхним платьем, а офицер отдал одному из них свои теплые сапоги. Около полночи, мокрые, пришли они в ораниенбаумскую почтовую контору, где сдали почту и приняли кронштадтскую корреспонденцию. Отправляться тотчас же назад не было возможно. Офицер просил, чтобы ему и людям дали место где-нибудь на станции, но в этом ему было отказано со стороны ораниенбаумского почтового начальства. Нечего было делать, отправились в трактир, где пробыли за большие деньги до 5 часов утра в нетопленной комнате. В 5 часов поезд тронулся обратно в Кронштадт, куда и прибыл благополучно».

Из-за сложности поездок на материк офицеры после окончания навигации, как правило, сидели в Кронштадте безвылазно. Высшее начальство, со своей стороны, тоже не слишком поощряло разъезды офицеров. При Павле I, например, даже о кратковременных отпусках офицеров из Кронштадта в Петербург докладывалось императору. В самом же Кронштадте никаких развлечений у офицерства не было, денежное довольствие было весьма малое и не позволяло устраивать приемы и ходить друг к другу. Офицерская молодежь зимой, мучаясь бездельем, порой откровенно пьянствовала, тоскуя по морским плаваниям.

Из письма молодого офицера, оставшегося в Кронштадте, своему другу, ушедшему в дальний поход: «Ты оставил нас, любезный товарищ, и ушел через окиян воевать с врагами Отечества нашего. Мы же, по-прежнему, собираемся толковать о несбыточных мечтах: открываем новые страны, поражаем европейские флоты и потом мысленно наслаждаемся удовольствиями в каких-нибудь портах Средиземного моря! Но... приходит вестовой и напоминает, что я назначен в караул в Купеческую гавань, и мечты исчезают, идучи по грязным улицам пресловутого Ретузари. По справедливости одна дама недавно мне сказала, что Кронштадт есть политическая тюрьма. Если она не совершенно справедливо описала Кронштадт, то очень приблизительно. Отними круг нашего товарищества, – что бы было с нами? Мы бы утонули в грязном острове. Говорят, что с весною очистят и вымостят улицы; это не безделица для бедной братии нашей – офицеров, которые едва на своей паре катаются. Вот тебе от скуки первая весть о том месте, где ты прожил более 5 лет и о котором ты, верно, вспоминаешь, оставивши там товарищей, полюбивших тебя не потому, что у тебя много достоинств, так уважаемых в свете, но собственно по твоему прекрасному характеру. Все наши тебе кланяются. Пиши и не забывай тех, кому пока не повезло!»

Из письма того же офицера полгода спустя. Офицер получил назначение на уходящий в море корабль. Как отличается это письмо от предыдущего! «Вот и весна! Так прелестно везде, кроме нашего Кронштадта! И мы бы более чувствовали потерю в тебе, гуляя по военной гавани, – единственно сухому месту, если бы не получили повеления вооружить наш корабль. Кажется, все ожило, и Кронштадт стал суше и солнце яснее. Жаль, что ты не с нами; но даст Бог, скоро свидимся. Мы назначены усилить ваш флот в Средиземном море. Ты знаешь, что наш корабль новый, боевой, капитан – богатырь силою и славный моряк; офицеры – все образованные люди и нет ни одного с какими-нибудь дурными наклонностями. Я представлен к вооружению корабля – и только не сплю на своем “Рафаиле”. Прощай! До встречи! Писать более некогда: иду на корабль».

Из воспоминаний художника-мариниста А. П. Боголюбова о его зимовке в Кронштадте, будучи мичманом: «Экспедиция пришла в Кронштадт осенью 1842 года. Так что

зиму 1843 года я провел в этом городе... Жизнь шла кроме этого ни шатко ни валко, в разных потехах с товарищами. Центром был дом лейтенанта Ивана Ильича Зеленого – брата моих учителей. Это был опять образованный господин, трезвый, умный, нрава веселого и острого. Тут же жил и брат его Нилушка Зеленой. Ему я много обязан, что попал в общество порядочных людей, хотя и у него занимались выпивкой, ибо братья были люди гостеприимные. Он очень любил меня и Эйлера, и всегда снисходительно смотрел на наши шалости и ругал подчас безобидно за какую-нибудь из ряда выходящую глупость. Жил он на Галкиной улице в доме Сполохона. Наверху была вышка в том же доме, где поместился я, Эйлер и Звягин – все товарищи по Корпусу. Мебели, конечно, не было никакой, кроме убогих кроватей и чемоданов, а потому углем и мелом я разрисовал зал стульями, диванами и даже столом с фруктами, когда и хлеба-то в доме иногда не было. В горькую минуту заложил и шинель с бобром Алешке-барышнику, ибо можно было еще ходить в летней...»

В зимнее время, когда корабли сдавались на хранение в порт, офицеры были, как правило, не особо обременены службой, являясь туда лишь на очередные дежурства. Из-за оторванности от «большой земли» их жизнь зимой протекала весьма тоскливо, отсюда засилье дружеских пирушек и повальная игра в карты.

В разные царствования отношение российских монархов к карточным играм было различным, от строжайших запретов Петра Великого и серьезных ограничений Екатерины II до вседозволенности времен императрицы Елизаветы Петровны и снисходительности к картам времен Анны Иоанновны. Однако, несмотря на самые строгие запреты, в Кронштадте играли в карты всегда. При этом соблюдалось лишь одно «табу» – играть на судах и кораблях было запрещено. Сей запрет соблюдался неукоснительно. Зато уж на берегу картежники отводили душу по полной.

Существовал целый ряд игр, связанных с удовольствиями, получаемыми игроками как от самого процесса игры, так и от общения с другими игроками. Такие игры, как «мушка» и ее разновидности (лентюрлюс, памфил, «шутиха», мистигри, «копилка»), «стуколка», русский вариант «бостона» – «тамбовский бостон», «винт», «рамми», «горка» и другие, реализовывали, прежде всего, развлекательные функции. Интересно, что в Кронштадте не играли в популярный тогда в России русский вариант «бостона» – «тамбовский бостон», а в особый «кронштадтский бостон». Чем именно «кронштадтский бостон» отличался от тамбовского, сказать не берусь. Во время этих игр царила атмосфера добродушия и веселья, т. к. играли не на деньги, а на шелбаны или на выполнение желаний: кто-то кричал дурным голосом на улицу из окна, кто-то кукарекал под столом и т. п.

Вместе с тем в среде кронштадтского офицерства бытовали и азартные коммерческие игры. К таким играм относились «квинтич» («очко»), «фараон» (или «штосс»), «баккара», «бура», «наполеон», «экарте», «макао» и др. Но Кронштадт всегда оставался Кронштадтом, и в нем существовала опять же собственная коммерческая карточная игра «девятый вал».

В коммерческих играх игроки делились на две категории – банкометов и понтеров. Что привлекало кронштадтских офицеров к картам? Думаю, что, прежде всего, скука зимнего сидения на берегу и отсутствие чувства опасности, которое постоянно присутствовало в эпоху парусного флота при нахождении в море. Повезет или не повезет – основной принцип, привлекавший играющих. То, что только случай решал судьбу игры – мгновенно повышал человека или опускал его, будоражило кровь и вызывало жгучее желание испытать свою судьбу.

При этом в Кронштадте дулись в карты не абы как. Существовали свои правила. Прежде всего, от игроков требовались выдержка, умение владеть собой, контролировать свое эмоциональное состояние. Потеря самообладания рассматривалась как признак дурного тона. Серьезные игры всегда проходили в полной тишине. Принято было использовать только «язык игры», который состоял из специальных терминов, употребляемых в проме-

жутках между сдачей карт. При этом, если на «большой земле» повсеместно процветало шулерство, то в Кронштадте, где, как правило, все игроки прекрасно друг друга знали, такое было практически невозможно. Когда в редчайших случаях кто-то пытался обманывать, это грозило не только общественным мордобоем, но и позорным изгнанием с флота.

Порой карточная игра велась не только на деньги, но и на «пожитки», деревни, имущество, крепостных людей, что иногда приводило к разорению одних и обогащению других. Впрочем, будучи в своей подавляющей массе не слишком богатыми, кронштадтские офицеры по-крупному почти не играли. При этом, в отличие от Петербурга и других городов, в Кронштадте играли обычно только на наличные, но не на векселя и на так называемый «мелок».

Разумеется, что из столицы периодически приходили запреты на ту или иную карточную игру. Но ушрое кронштадтское офицерство от этих запретов уходило весьма просто, говоря так: «Игра Баккара запрещается, название меняется – Виктория называется!»

История не сохранила нам имена наиболее азартных и удачливых карточных игроков старого Кронштадта. С определенной долей условности мы можем назвать лишь знаменитого игрока-бретера графа Федора Толстого-Американца, да и то только потому, что он был участником кругосветного плавания И. Ф. Крузенштерна. Впрочем, думается, что во время плавания на шлюпе «Надежда» возможности расписать партию другую у него просто не было.

* * *

Чтобы хоть как-то отвратить офицеров от пьянства и карточных игр, а также разнообразить их жизнь в порту, адмирал Грейг вместе с вице-адмиралом Баршем предложили семейным офицерам учредить свой клуб. Адмиралы испросили у императрицы Екатерины разрешение на учреждение офицерского морского собрания для «приятных, полезных и благородных развлечений». Екатерина дала свое согласие, и в 1786 году в Кронштадте было открыто «благородное собрание». Первоначально в него вступили 70 человек. Администрация его выбиралась из числа его членов, причем все имели равные права, независимо от должностей и чинов. Число членов быстро росло. Спустя некоторое время в собрание стали пускать и мичманов.

Историк пишет: «Царившая в клубе простота нравов, взаимная любовь, дружеское обращение начальников с подчиненными и безусловное уважение последних к первым дали прекрасные результаты: произошло семейное сближение, а молодые офицеры, познакомившись с лучшими представителями морского общества, стали нравственнее». Когда число членов достигло 180 человек, клуб был перенесен в более просторный дом Миниха.

Все шло неплохо, пока в 1795 году практически весь Балтийский флот не ушел в крейсерство к берегам Голландии для боевых действий против революционной Франции. Большинство членов клуба ушло в поход, и деятельность клуба прекратилась. Когда же после пятилетнего отсутствия офицеры вернулись в Кронштадт и захотели возобновить работу своего клуба, то вступивший к этому времени на престол император Павел I посчитал, что клубы лишь отвлекают офицеров от их служебных обязанностей. Делать нечего, и офицеры снова занялись пирушками и взялись за подзабытые карты.

С воцарением императора Александра I, по инициативе адъютанта главного командира Кронштадтского порта лейтенанта И. П. Бунина, вновь был возбужден вопрос об открытии клуба. Дело получило ход через адмирала Ханыкова, и вскоре состоялось открытие собрания. Прошло совсем немного времени, и кронштадтские офицеры уже не мыслили своего берегового существования без этого учреждения. Дело в том, что при собрании функционировала столовая, где не слишком богатые мичманы и лейтенанты могли недорого и вкусно

пообедать. При этом, если не было наличных, то можно было питаться и в долг. А любого безденежного мичмана в собрании всегда ждал отличный бесплатный квас с черными сухарями, которым можно было перебиться в случае крайней нужды некоторое время. Этот квас так и именовали «собранным».

В собрании был бильярд и курительные комнаты. С 17 часов вечера до полуночи офицеры собирались там, обсуждали дела, читали газеты, пили чай, играли в карты и на бильярде. Любопытно, что играть на бильярде было положено исключительно в мундирах, при шпагах и орденах. Модным стало за бильярдным столом, решать и споры, которые ранее выясняли на дуэльных поединках. По вечерам открывался буфет, где можно было опять же недорого и уютно посидеть с товарищами за рюмкой-другой. При собрании существовала касса взаимопомощи, где члены собрания всегда под весьма условный процент могли занять некоторую сумму денег. В 20-х годах XIX века зародился и долгие годы существовал оригинальный обычай, согласно которому швейцары, встречая на входе членов «благородного собрания», поздравляли стихами. Идею этого обычая, как и написание первых стихов, легенда приписывает братьям Бестужевым и В. И. Далю. Так что офицерам приходилось быть поэтами, а швейцарам (это были, как правило, отставные матросы и унтер-офицеры) – декламаторами. Периодически в собрании ставились самодеятельные спектакли, приезжали и выступали известные столичные личности. Раз в месяц в собрании устраивались балы, куда собирались не только офицеры с семьями, но и местное дворянство. По большим праздникам туда можно было приглашать знакомых. Дамское общество на балах в своем большинстве составляли жены, дочери и сестры офицеров. Именно на этих балах завязывались знакомства и начинались романы, нередко заканчивавшиеся браком. В целом Морское собрание являлось закрытым элитным клубом, куда доступ посторонним был закрыт.

В 1832 году в Кронштадте адмиралы Беллинсгаузен и Рожнов выступили с предложением создать морскую библиотеку. На их предложение откликнулись все моряки. В морском собрании на три тысячи рублей закупили первые книги. Книжный фонд быстро увеличивался. Председателем комитета был избран адмирал Беллинсгаузен. Им была приобретена мебель, портреты и бюсты мыслителей, а также книги, журналы и газеты. Поэтому в читальном зале собрания всегда имелись относительно свежие российские и европейские газеты и журналы, в том числе и легендарный «Морской сборник», а также военно-морская и художественная литература. Современники отмечали, что «Морское собрание и Морская библиотека ... составляют зимнюю кают-компанию моряков Балтийского флота, являясь местом сосредоточения всех служебных и общественных интересов».

Современник писал: «Библиотека, балы, концерты и вечерние собрания имели серьезное воспитательное значение, способствовали единению членов морской семьи и не только не нарушали, но укрепляли взаимные отношения, соответствующие духу и требованиям морской службы».

Надо ли говорить, что Кронштадтское морское собрание весьма быстро стало центром культурной жизни старого Кронштадта. Но ничто не вечно. С завершением эпохи парусного флота изменилось и Морское собрание. Оно по-прежнему оставалось местом встреч и общения кронштадтских офицеров во внеслужебное время, однако того особого, почти сакрального значения в их жизни уже не имело. Новое время диктовало новые правила жизни.

* * *

Если офицеры в конце концов смогли сделать свое зимнее сидение более-менее сносным, то у матросов, разумеется, ничего подобного не было и в помине. Однако, несмотря на Морское собрание и возможность ежевечернего неформального общения, кронштадтские офицеры зимнее время все равно не любили. Дело в том, что долгое зимнее пребывание

в Кронштадте оборачивалось для моряков и солдатской муштровкой. Отношение к этому было у «морских волков» соответствующим. Историк российского флота Ф. Ф. Веселаго писал: «Фронтная (т. е. строевая) служба в начале ее введения не пользовалась во флоте симпатией и, кроме гвардейского, почти во всех прочих экипажах находилась в весьма неудовлетворительном состоянии, хотя начальство настоятельно требовало усердного занятия ею и иногда прибегало к весьма строгим мерам, например, в 1811 году капитан-лейтенант Пыхачев был отрешен от командования экипажем и назначен в другом экипаже исполнять должность лейтенанта “за уклонение от обязанностей присутствовать при фронтном учении”. Переводом в ластовые и рабочие экипажи старых хороших мастеров, неспособных для фронта, и заменой их рекрутами команды были ослаблены в морском отношении и при небрежном обучении фронтной службе немного выиграли в строевой. Об исполнении моряками караульной службы передавались рассказы маловероятные для нынешнего времени, но видимо взятые из действительной жизни. По неимению у многих офицеров собственных мундиров, они в караул вступали в сюртуках и уже в караульном доме надевали общий для всех казенный мундир. Относительно такого порядка сохранилась следующая легенда: в ожидании посещения Кронштадта каким-то важным лицом, комендант, осматривающий гауптвахты, на одной из них нашел офицера такого маленького роста, что длинные рукава мундира мешали ему салютовать саблей. Для устранения такого непорядка, от коменданта к экипажному командиру этого офицера немедленно последовало официальное отношение о назначении на эту гауптвахту другого офицера “сообразно мундиру”».

Из воспоминаний адмирала Д. Н. Сенявина, который описывает положение дел в Кронштадте в 20-е годы XIX века: «Беспрестанно нынче толкуют, что в Кронштадте жить матросам негде, и тогда еще, когда весь флот едва наберет с небольшим 10 кораблей. Спрашиваю, где же помещались прежде люди, когда флот был более 40 кораблей? Ответствую, и верно отвечаю, что помещались они в губернских домах, ныне еще существующих, в одной деревянной для артиллеристов казарме и по квартирам, ибо флигелей каменных и госпиталя (что теперь на канаве) тогда еще не было, они построены после шведской войны и люди жили, и жили, как говорится, припеваючи. Больных было весьма мало, а о повальных болезнях никогда и слышно не было. В то время люди были веселы, румяны и пахло от них свежестью и здоровьем, нынче же посмотрите прилежно на фронт, что увидите – бледность, желчь, унылость на глазах и один шаг до госпиталя и на кладбище». Разумеется, мнение адмирала Сенявина достаточно субъективно, старики всегда идеализируют времена своей молодости, и в середине XVIII века в Кронштадте жилось, конечно же, не лучше, чем спустя семьдесят лет. Однако данная цитата – еще одно свидетельство того, как жили наши моряки в эпоху парусного флота.

В Летнем саду Кронштадта по праздникам и воскресеньям играли оркестры: один духовой, другой роговой. Там же были посажены фруктовые деревья, но они вымерзли в морозную зиму 1820 года. Офицеры и жены гуляли в Летнем саду по песчаным дорожкам. В саду была сооружена беседка «Храм славы» на искусственной горке, а под горкой выстроено подобие грота. Чуть поодаль был поставлен памятник подвигу мичмана Домашенко, пожертвовавшего своею жизнью ради спасения матросов, и копия домика Петра с мебелью, где можно было попить чай... На входе в сад висели правила поведения: «В саду гулять, но цветов не рвать, травы не мять, собак с собою не водить, детей на тележках не возить». В разное время посещать сад запрещалось и матросам.

Главная улица Кронштадта Дворянская была разделена на две части. По одной из сторон («бархатной») могли гулять только офицеры и их жены, по другой («ситцевой») гуляли матросы и их семьи. Позднее будут говорить, что такое разделение унижало и оскорбляло матросов. На самом деле думается, что такое разделение улицы на две стороны – офицерскую и матросскую – было выгодно всем: офицеры могли гулять с дамами, не оглядываясь

на то, как посмотрят на это их подчиненные, а матросам, гулявшим с подругами, не надо было, в свою очередь, тянуться во фрунт перед офицерами.

Сохранились свидетельства о том, как проходила типичная воскресная прогулка старших офицеров и их жен в портах в конце XVIII века. Впереди, как правило, шествовавший под руку семейной пары, вышагивал матрос-денщик, который, завидев встречного гуляющего офицера, громогласно возвещал:

– Его высокоблагородие капитан и кавалер Иванов с супругою!

За денщиком торжественно шел матрос, несший на бархатной подушке капитанские ордена. Если орденов было много, то иногда их несли сразу несколько матросов. Особо ценимый Георгиевский крест всегда несли на лучшей подушке самым первым и отдельно от остальных. Если у данного офицера имелась наградная золотая сабля (это ценилось особенно!), то саблю нес на вытянутых руках отдельный матрос. За орденами с возможной важностью шествовал уже сам капитан с дражайшей половиной. Следом за ними – еще два матроса. Первый из них нес зонт на случай дождя, а второй емкость с охлажденным лимонадом. Таким образом, воскресные прогулки превращались в негласную демонстрацию капитанами их заслуг перед Отечеством, а жены при этом демонстрировали свои наряды. Воскресные выходы имели в тогдашней кронштадтской жизни весьма большое значение. Готовились к ним поэтому весьма ответственно, и их результаты были затем предметом самого живого обсуждения местного «света».

Из воспоминаний Фаддея Булганина: «...Многие богатые люди останавливались в единственном кронштадтском трактире братьев Делапорта, в котором я жил, и чтобы не стеснять его, я нанял квартиру поблизости комендантского дома, хотя и на другой улице, в доме мещанина Голяшкина...

Говоря о высшем кронштадтском обществе, я не сказал, каким образом я имел случай узнать его. Главным командиром Кронштадтского порта был вице-адмирал Иван Михайлович Колокольников, которого жена Варвара Александровна (урожденная графиня Апраксина) была душевной приятельницей сестры моей Искрицкой, как я уже говорил об этом. И. М. Колокольников и в Петербурге и в Кронштадте жил чрезвычайно скромно и уединенно, и Варвара Александровна, добрая и умная женщина, не любила принимать у себя гостей. Это делала она не из скупости, но по характеру. В Кронштадте, однако ж, И. М. Колокольников по званию своему должен был давать обеды и вечера, хотя весьма редко. Добрая Варвара Александровна, которая славилась своею откровенностью и простотой обращения, говорила правду в глаза и начальникам и подчиненным, и старым и молодым, обходилась со мною, как с сыном. Я заходил к Варваре Александровне иногда по утрам, но она принудила меня быть у нее на нескольких вечерах в кругу кронштадтской аристократии. Я уже сказал причину, почему мне было скучно в этом кругу. Кто привык к крепким напиткам, тот при их недостатке предпочтет чистую сивуху подмешанному виноградному вину...»

Из воспоминаний контр-адмирала А. С. Горковенко: «В сороковых годах Балтийский флот состоял из трех дивизий: две зимовали обыкновенно в Кронштадте, а третья в Свеаборге и Ревеле. Весною эта последняя выходила в Балтийское море в крейсерство и к исходу дня возвращалась в Кронштадт, где, после высочайшего смотра, втягивалась в гавань и сменялась очередной дивизией. Несмотря на близость Петербурга, сообщение с ним, в особенности зимою, было так затруднительно, что Кронштадт стоял особняком, и жил своею особою жизнью, которая, при разнообразных служебных занятиях и веселом и дружном обществе, не только не казалась нам скучною, но, напротив, сближала всех и придавала морскому кружку какой-то семейный характер. Главным командиром был адмирал Ф. Ф. Беллинсгаузен, в доме которого мы собирались каждое воскресенье: двери клуба и библиотеки всегда были открыты для желающих и не оставалось желать ничего лучшего. Город еще на

освещался газом, о железной дороге еще не думали и паровозного сообщения с Ораниенбаумом не было. Это заставило многих выстроить дачи на косе и там проводить лето».

В начале XIX века при заядлом театрале адмирале Ханыкове в Кронштадте стали устраиваться любительские спектакли. Для этого был оборудован импровизированный театр в одном из офицерских флигелей. Желающих почувствовать себя в роли артистов оказалось предостаточно. Порой в труппе насчитывалось по два-три десятка офицеров. В подавляющем большинстве это была офицерская молодежь, но случалось, что на любительскую сцену выходили и весьма почтенные и заслуженные офицеры. Участвовали в спектаклях и офицерские жены, находя в этом отдушину от унылой гарнизонной жизни. Основу репертуара составляли веселые водевили, драм и трагедий морякам хватало и в жизни! Интересные пьесы, энтузиазм и талант участников очень быстро сделали офицерский театр весьма популярным, и не только в Кронштадте. Посмотреть на веселые офицерские водевили приезжали даже из столицы. Любовь к театральным постановкам была так велика, что офицеры порой устраивали любительские спектакли и в других портах, куда заходили их суда.

В 1837 году в Кронштадте был построен манеж для гимнастического обучения морских команд. Он тоже пользовался большой популярностью. Физическими упражнениями в нем с удовольствием занимались и матросы, и офицеры.

Для детей матросов в портах существовали дома призрения, состоящие из двух отделений: для мальчиков и девочек. Число детей зависело от средств, их брали туда с пяти лет. Там мальчиков учили счету и грамоте, а девочек – шитью и вязанию. Более старших детей обучали рабочим специальностям, а наиболее способных отправляли учиться дальше.

* * *

Весьма отличалась от корабельной жизни и портовая жизнь матросов. Дело в том, что во время нахождения судов в порту рацион питания матросов сокращался. Возможно, на него и можно было бы выжить, если бы не воровство, в результате которого до матроса порой доходило весьма немного. До 60-х годов XVIII века, когда матросы жили особенно голодно, их официально отпускали в Петербург и другие близлежащие города зимой на заработки, а летом, кто не был в плавании, шел на работы в самом Кронштадте. Зачастую офицеры отправляли матросов на заработки, имея с их доходов некий процент, который помогал выжить и их семьям. Нередкими были в то время случаи, когда в зимнее время матросы промышляли подаянием.

В XIX веке в кронштадтском порту была открыта столовая для нищих. Порой туда заглядывали и матросы, по большей части те, кто пропился. Кормили там раз в день, давая фунт ржаного хлеба, щи, кашу с маслом и квас. Пьяных матросов лишили права на посещение этих столовых к середине XIX века. С этого времени право на посещение столовой давал уже особый портовый комитет, который выдавал особые билеты. Предъявитель билета платил за еду чисто символическую сумму. Билеты давались, как правило, отставным матросам и калекам. Служивших же выгоняли вшаей.

Большинство портов постоянно нуждались в углублении дна. Работа эта была адова. В Кронштадте, например, с 1783 года привлекали для углубления гаваней арестантов. Кормили их плохо, и несчастные подрабатывали милостыней. Но много ли подадут в таком гарнизонном городке, как Кронштадт? Если арестанты непосредственно вынимали грунт из специальных клетей, установленных на дно залива, то с плашкоутов землю выгружали уже, как правило, вольнонаемные, в том числе и матросы. Это был хотя и тяжелый, но постоянный дополнительный приработок. Такую практику в Кронштадте начал адмирал Самуил Грейг, а продолжил адмирал Петр Пущин. Однако на донно-углубительные работы матросы шли лишь в крайнем случае от безысходности, когда никакой другой работы не было. Летом, как

правило, в Кронштадт приезжали на работы крестьяне из Калужской, Тульской и Орловской губерний. Они сразу же увеличивали конкуренцию.

Помимо выгрузки земли из плашкоутов в Кронштадте была и другая работа, на которую матросы шли с особой охотой – разгрузка товаров с купеческих судов. Работа по разгрузке товаров была поденной. Спрос рабочей силы часто превосходил предложение. А поэтому матросы набивались в идущие к стоящим на рейде боты, как кильки в банку. Но все равно места всем на ботах не хватало. Ругань и драки по этой причине происходили ежедневно. Боты спешили к стоящим на рейде судам, где и начиналась разгрузка. При этом матросы должны были успеть вернуться к восьми вечера в казармы, иначе платили штраф в 10 копеек. Работа происходила в промежуток между выстрелами утренней и вечерней пушки. Один час давался на обед и отдых. Едва садилось солнце, палила вестовая пушка и от стенки гавани к набережной сразу же начинали возвращаться боты с матросами. Высадившись, все они спешили к конторе, где получали расчет по своим ботам. В соседней конторке выдавали деньги. Там постоянно образовывались большие очереди, как следствие этого постоянно происходила ругань и драки.

Современник писал о том, как выглядели работающие матросы: «...Кого-кого тут не было! У иного, например, вместо шапки на голове болтается что-то наподобие блина. У другого вместо сюртука тоже болтаются какие-то лоскуты неопределенного цвета и формы. У третьего ноги одеты во что-то похожее на сапоги и это перевязано во многих местах мочалою и т. п. мелочи, на которые эти граждане не обращают никакого внимания. А какую бесконечно разнообразную смесь одежд заключала в себя эта разношерстная толпа, и при этом одежд одна другой хуже! Тут все, что ни есть худшего в одежде, было собрано в одно место. Пред наблюдателем ежесекундно мелькают разнообразных покровов старые кафтаны и, несмотря на лето, даже шубы мужские; разных видов солдатские мундиры; более цивилизованного покрою костюмы посадских и т. д... Кроме посадских в толпе много солдат, как матросов, так и армейских, множество крестьян, словом, тут собраны все классы рабочего сословия. Вся эта огромная и грязная толпа народа представляла собою, хотя и не восхитительное, но не лишенное приятности зрелище...»

Дневная плата матросов достигала рубля, а то и больше, и зависела от тяжести труда. Это были большие деньги. На них можно было и питаться, и одеться, и отложить на черный день, когда кончится навигация. Часто конторщики, расплачиваясь за работу, преднамеренно выдавали деньги одной ассигнацией на 2–3 человека. В этом был свой умысел. Для того чтобы разменять ассигнацию, матросам приходилось идти в местный кабак, где они сразу и оставляли большую часть заработанного, а то и вообще все.

Однако на этом испытания для идущих в работы матросов не кончались. На набережной их уже поджидала масса женщин с обедом в кадушках, накрытых грязным бельем, чтобы тот не остыл. Современник писал об этом так: «...В кадушках в горячей воде плавают вареные целые бычьи легкие вместе с печенькой и сердцем. Тут же имеется рубец, вареная картошка и картофельные лепешки, поджаренные на постном, льняном или конопляном масле. Все это чрезвычайно дешево, но и чрезвычайно грязно и совсем не питательно! Воду для варки брали тут же из канала, ее черпали, отстраняя плавающие отбросы. Тут же рядом мылись после работы матросы. Все это вело к массовым заболеваниям...»

Разумеется, матросы во время разгрузочных работ воровали. Тащили всё: зерно и пеньку, лен и шелковые ткани, бархат и вина. Для выноса с судов ворованного шили спецодежду с огромными карманами. Зерно, муку, кофе и сахарный песок ссыпали прямо в шаровары. Материю, пеньку и пряжу обматывали вокруг тела. С добычей расставались быстро. Тут же, прямо на стенке гавани, шел торг ворованного добра. Все продавалось дешево, вырученные деньги сразу же неслись в кабак, где уже поджидали местные портовые проститутки.

Нельзя сказать, чтобы начальство мирилось с таким положением дел. Постоянно устраивались облавы, хватали всех – и воров, и скупщиков, но это помогало мало.

Мало кому известно, что, согласно одному из преданий, знаменитая в свое время секта хлыстов была основана в середине XVIII века именно в Кронштадте (не путать с сектой хлыстов-киселевцев Матрены Киселевой, возродившей секту в конце XIX века, причем снова именно в Кронштадте!). Отвергая церковный брак, хлысты имели духовных жен, которые отдавались «христами» или пророками на радениях, как «голуби с голубками». Практиковалось и групповое совокупление после совместных молений и самоистязаний. В хлысты шли, прежде всего, матросы, но, случалось, попадали и офицеры, причем порой и те и другие вместе с женами. Возможно, именно поэтому в хлыстовской среде присутствовала морская тематика. Так, первичные «семьи», в которых осуществлялись радения, именовались «кораблями». Лидеры «семей» звались корабельными мастерами или кормчими, а белые рубахи, которые надевали сектанты на свои молитвы, называли парусами. Однако к 80-м годам XVIII века хлыстовство в Кронштадте сошло на нет. Офицеров теперь больше интересовало масонство, ну а матросы снова вернулись в лоно законного брака и православия.

Определенной проблемой во всех российских портах была борьба с бомжами (или, как их раньше называли, «босьяками»). Среди «босьяков» было немало бывших матросов, отставленных по увечьям и болезням с флота. Некоторые из них, давно потеряв связь с деревней, просто не нашли своего места в новой жизни и, постепенно спиваясь, теряли человеческий облик. Оборванцев периодически отлавливали. Но место старых быстро занимали новые и все повторялось. Осенью 1777 года в Кронштадте в результате сильного шторма были размыты стенки гаваней и смыто до 50 пушек. В магазинах и сараях пострадало много пороха и продовольствия. Современник писал: «Развалины гаваней представляли приют для беглецов и подозрительный людей, делавших набеги на город». Работы по восстановлению порта и ликвидации этой «кронштадтской Хитровки» растянулись до 1801 года.

* * *

На зиму парусные корабли и суда в Кронштадте в обязательном порядке ставили на консервацию. Иначе они просто бы сгнили. Для этого с линейных кораблей и других судов убрали весь такелаж, снимали реи и стеньги. Верхнюю палубу затягивали парусиной, чтобы она не покрывалась снегом. Большинство портов наглухо законопачивалось, но некоторые оставлялись открытыми для проветривания внутренних помещений. Основная часть команды на зимнее время переселялась в береговые казармы, однако некоторая часть оставалась на борту, осуществляя уборку снега, а также проветривая судно и наблюдая за подвижкой льда. Между вмерзшими в лед кораблями делались дороги, по которым ездили на санках.

Ранней весной команды переселялись на корабли и суда. Начиналась расконсервация: устанавливали мачты, грузили орудия. В Архангельске в отличие от Кронштадта орудий приняли на борт не более двух десятков – для плавания в мирное время этого было вполне достаточно. Остальные же пушки архангелогородские корабли и суда обычно получали в кронштадтских арсеналах по приходу к месту постоянного базирования.

Снаряжение кораблей и судов для новой морской компании – это всегда неизбежная беготня и суета. И как бы к этому событию ни готовились с самой осени, снаряжение эскадр всегда происходило в самом авральном порядке с ночными работами, матюгами и скандалами.

...Все дни флагманы уходящих эскадр пропадали на снаряжавшихся кораблях, а ночами вместе писали и читали бесконечные бумаги. На сон, еду и семью времени не было!

Несмотря на обычные грозные приказы: «Всего давать назначенным в кампанию судам щедро!» – каждый гвоздь, каждый фунт солонины всегда приходилось вырывать в портовых конторах со скандалом и боем.

– Воистину: у нас легче украсть, чем получить положенное, – мрачно шутили наши моряки.

Без задержки обычно выдавали одни чугунные балясины...

И как здесь не вспомнить знаменитое высказывание императора Александра I в адрес портовых чиновников Кронштадта: «Они украли бы мои военные линейные суда, если бы знали, куда их спрятать!»

...Целыми днями обивали пороги бесчисленных портовых контор brave капитаны. Сыпались в кошельки складских толстосумов звонкие офицерские червонцы...

Командующие отправляемых в море эскадр давно издегались, стали вспыльчивы и крикливы. Что не могли взять законно, вышибали горлом. Но все равно дело, как правило, двигалось медленно. Порой уже кончилась весна, а корабли еще не имели ни команд, ни пушек, ни припасов. Только метались из конца в конец взмыленные курьеры и торопили, торопили, торопили...

Хватало забот и с провизией. На бойнях массово забивали свиней, тут же засаливая свинину в бочках. Отныне это будет знаменитая солонина. Завозили крупы: гречку, пшено и перловку, кроме того и рис – пшено сарацинское. Особенно много набирали морских сухарей тройной закалки, которыми доверху засыпали брот-каморы, да любимой русскими моряками архангельской трески. От цинги грузили мешки с еловой хвоей. В обязательном порядке загружали водку, вина и пиво.

Когда не хватало матросов, корабли и суда комплектовали солдатами и рекрутами. Капитаны ругались до хрипоты, наотрез отказываясь от такого пополнения, но, не видя иного выхода, брали, ругались – и брали вновь. Традиционно не имелось навигационного инструмента и лекарств. Не хватало многого, но время поджимало.

– Торопь такая, что некогда и чихнуть, – мрачно шутили матросы, таская на взмокших спинах съестные и питейные припасы.

Из штатов Кронштадтского порта адмиралы обычно требовали себе в море мастеровых из цехов: корабельного, ластового, мачтового, блокового, котельного, литейного, малярного и печного. Кроме этого старались забрать с верфей хотя бы с десятков-другой плотников и конопатчиков, парусников и прядильщиков, кузнецов и пыльщиков, хлебников и даже мясо-сольных учеников. Если им это удавалось, то выгребли все под метелку.

Традиционно, уступая просьбе флагманов, Адмиралтейств-коллегия жаловала офицеров и всех корабельных служителей с уходящих кораблей четырехмесячным жалованьем не в зачет. Особенно радовались выдаваемым деньгам женатые матросы: их матроски с ребятами не будут теперь нищенствовать хотя бы первое время.

Каждое утро, еще затемно, адмиралы проводил скорые консилиии с капитанами кораблей и корабельными мастерами, давая им задания на день.

– А каково будут безопасны от пожаров возможных крют-каморы корабельные? – интересовались особо.

– Каморы обобьем добротным листом свинцовым, а дерево пропитаем составами негорючими, так что будьте покойны! – успокоили адмиралов седые мастера.

Из воспоминаний адмирала И. И. фон Шанца: «Спустя около недели после рассказанного мною, вышел, наконец, нетерпеливо ожидаемый всеми приказ о вооружении судов, так что я имел достаточно времени свыкнуться с мыслью о возложенной на меня высокоответственной обязанности, и признаюсь, что когда я победил первый страх, я хладнокровнее взвесил все причины нападок на меня, а главное, то обстоятельство, что из числа считавших себя обойденными, и потому завидовавшим мне, не было почти ни одного, который по своим

познаниям в морском деле мог бы быть мне опасным соперником, я бодро встрепенулся и начал отстаивать свои оскорбленные права так твердо и безбоязненно, что не осталось и следов прежней робости и запуганности. Только что вышел приказ вооружаться, как я вечером того же дня принял все зависящие от меня меры, чтобы мне не пришлось по-прошлогоднему ждать прихода команды на работу с 4 до 6-ти часов утра. Вследствие такого распоряжения я имел возможность ретиво приняться за работу, в то время, когда командиры других судов, не изменившие своим зимним привычкам, еще спали непробудным сном, а команды вверенных им судов, вместо того, чтобы приниматься за работу, располагались спать на пристани. В порту, однако, не спали; вследствие приказа все магазины были отперты, а содержатели, со своими помощниками, приготовились выдавать все судовые материалы, начиная от пеньковых вантов до оловянных чернильниц, гусиных перьев и роковых шнурованных книг, заклеянных печатями с двуглавым всероссийским орлом... Весь быт первого помощника с его правами и обязанностями я перенес на палубу военного судна... Эта особенность моей жизни... отразилась всего более на команде, и, надо сказать правду, порядочно я тогда ее школил, а по ее мнению, просто мучил. Каждый Божий день, невзирая ни на какую погоду, я обучал ее парусному и артиллерийскому ученьям. Что касается до мытья палубы и скачивания бортов, то признают, что все мои попытки довести эти работы до некоторого даже совершенствования остались почти тщетными».

Особый контроль – при погрузке на корабли и суда вина и пива. Тут глаз да глаз. Воруют матросы с грузового лихтера, воруют свои, не было еще случая, чтобы кто-то что-то не утащил, а потому на мелкое воровство смотрели как на неизбежное зло. Кто попадался, того лупили, но все равно на погрузку вина стремились попасть все.

...На Кронштадском адмиралтейском дворе грохот неумолчный – там испытывают якоря. Их поднимают воротом на высоту веретена, а затем бросают пяткой на чугунный брус. Удар. Якорь выдержал. Принимающий офицер равнодушно хмыкает:

– Давай еще раз!

Снова удар. Якорь цел.

– Еще раз!

После третьего испытания прочности якорной пятки матросы переходили к испытанию рыма. Снова они трижды бросали якорь на чугунный брус. Если он выдерживал и это испытание, тогда наступал заключительный этап – бросание якоря серединой веретена на ствол пушки. После третьего падения на якорь выбили особое клеймо – литеру «Р», что значило: оный якорь опробован и флотом принят для использования.

– Тащи следующий! – уже велит адмиралтейский офицер.

Впрочем, якоря ломались редко. Русские якоря считались тогда лучшими в мире, так как делались из ковкого и мягкого «болотного железа», которое не только хорошо ковалось, но и было на редкость прочным. Надежные якоря ковали в Олонецке и Вологде, но лучшие возили с Урала.

К этому времени назначенные в плавание корабли и суда уже откренговали. Обшивные доски от древоточцев обожгли огнем и просмолили, затем щедро обмазали смесью нефти, даммаровой смолы и гуталина. На новых линейных кораблях виднеется и медная обшивка – предмет зависти всех командиров. Обшивку прибавают к днищу гвоздями на просмоленную бумагу и войлок. Затем кромки листов чеканят, пока поверхность не становится на ощупь совершенно гладкой. Сейчас медные днища красноваты и похожи на старые елизаветинские пятаки, но скоро в море под воздействием воды они будут блестеть золотом.

Уже вовсю идет и вооружение кораблей и судов. Вооружение всегда начинается с установки мачт и бушприта. Эта работа осуществлялась с помощью кранов или посредством специальных стрел, устанавливаемых на судне, а потому на краны целая очередь. Каждый командир лезет вперед и задабривает ради этого портовых чиновников, как может. Нередки

и скандалы. Потому Пущину приходилось лично определять, кому и когда давать вожаемые краны. По мере возможности в качестве стрел употребляют нижние реи. Установку мачт начинают всегда с грот-мачты, а стрелами – с бизань-мачты. Последним устанавливают бушприт. После этого принимаются за стеньги. Первыми поднимали нижние реи, затем марса-реи и, наконец, блинда-рей. Далее поднимают и выстреливают брам-стеньги и бом-утлегарь, вчерне вытягивают их такелаж, чтобы, не дай бог, не завалились. Вооружают бом- и бом-брам-реи. В это время часть матросов всюду вяжет выбленки, кранцы и маты. В каждой кампании все должно быть новым и чистым.

Наконец начинается вытягивание такелажа, вначале нижнего, а потом и верхнего. Тяга такелажа – дело ответственное. Нельзя ни перетянуть, ни недотянуть, а потому тягой руководят сами командиры. Спустя двое суток после первой тяги такелажа его снова тянут, устраняя образовавшуюся слабинку. Через шесть суток матросы тянут такелаж в третий раз, а спустя еще четверо такелаж тянут уже в последний раз. Теперь можно грузить пушки и припасы.

Хватало проблем и здесь. Нехватка орудий в XVIII веке обычно была такая, что из арсеналов в конце века повываскивали даже ржавые пушки, помнившие славные петровские баталии. Обычно орудийные стволы проверяли на прочность двойными выстрелами, а каверны искали на внутренней стороне стволов зеркалами специальными. Несмотря на строгую регламентацию о калибрах корабельных орудий, на практике зачастую никакого единства не было, а ставили все, что было под рукой. К примеру, во время русско-шведской войны на линейных кораблях устанавливали до десяти различных калибров, размещенных вперемежку. На это смотрели как на дело само собой разумеющееся.

У торца причала стояли суда уже с вооруженными стеньгами. У бортов виднелись портовые баржи, если выкрашенная в зеленый цвет – продовольственная, если в красный – порох. При погрузке боезапаса на мачте обязательно поднимался красный флаг.

Часть команды, выстроившись цепочкой, перегружала на судно мешки и бочки с продуктами, другие работали на палубе и на мачтах. Палубные пазы заливали смолой-гарпиусом, отчего вся палуба была черной и вонючей. Но у шпигатов уже были свалены кучей «медведи» – камни для скобления палубы. Пройдет всего пару дней, и из грязно-черных палубы российских кораблей и судов станут ослепительно белыми. Пока же повсюду на палубах сидели со своими неизменными ящичками бородатые конопатчики и отчаянно лупили меж досок своими деревянными молотками.

В Кронштадте линейные корабли и суда считались зачисленными в кампанию только после особого депутатского смотра, который осуществляли старшие флагманы. Только после этого на кораблях и судах поднимались вымпелы, прозванные «целковыми», так как на вступившем в кампанию судне платилась особая «морская» надбавка.

Глава третья. Господа офицеры

Кронштадтские офицеры в эпоху парусного флота являлись некой особой кастой, практически изолированной в силу специфики службы и отдаленности острова от столичной жизни. Они, что называется, варились в собственном соку. Эта изолированность имела как положительные, так и отрицательные стороны. Положительного в ней было то, что отдаление от соблазнов и прелестей столичной жизни способствовало простоте и душевности нравов, сплоченности и братской дружбе, а также, за отсутствием столичных развлечений, более серьезному отношению к своему моряцкому делу. Отрицательным же в отдаленности и изолированности Кронштадта от столицы были серьезные неудобства житейского плана, начиная от доставки свежего продовольствия до возможности навещать родных и близких. По этой причине среди молодых офицеров считалось престижней попасть служить в Ревель, где береговая жизнь была более многообразной и веселой.

Из записок историка флота Ф. Ф. Веселаго: «...Всякий, особенно семейный, офицер старался устроиться по возможности оседлым образом. Заводили собственные дома, мызы с садами и огородами, в которых матросы исполняли должности садовников, огородников, всяких мастеровых и занимались всеми хозяйственными работами, как крепостные люди... Из казенных портовых магазинов, за самую сходную цену, легко можно было приобретать все нужное для дома и хозяйства, и в Кронштадте в редком доме не встречались вещи с казенным клеймом. При взглядах того времени, для жителей города почти терялось отличие казенного от собственного. Но подобные злоупотребления были вообще мелочные; в значительных же размерах они производились немногими лицами, особенно склонными к подобным низким операциям и имевшими по служебному положению своему к этому возможность. Например, никого не удивляло, что в Кронштадте на видном месте города смотритель госпиталя, получающий ничтожное жалованье, возводил большой дом и ряд лавок, что дом корабельного мастера был построен из мачтовых деревьев... Офицеры, склонные к коммерческим оборотам, назначенные на построенные в Архангельске суда, собирали там тяжеловесные чистой меди екатерининские пятаки, которые в Копенгагене принимались вдвое дороже их номинальной ценности. Там покупали на них ром и, провезя его контрабандой в Кронштадт, продавали с выгодой. Ловкий же провоз контрабанды считался тогда не позорным делом, а молодеческим».

А вот как проходило типичное становление молодого флотского офицера в Кронштадте в конце 30-х годов XIX века. Из воспоминаний выпускника Морского корпуса художника-мариниста А. П. Боголюбова: «Меня выпустили, как говорилось, в “семнадцатую тысячу” (17-й экипаж 2-й флотской дивизии), хотя не было мне семнадцати полных лет. Прозимовали мы в Питере важно. Кровь кипела ключом, а денег было не ахти много. Мать моя была небогата, давала что могла, не более пятнадцати рублей в месяц. Жалованье все шло на вычет за обмундировку, да за разные корпусные побития. Причем, как слышно, вычитали с нас и за потраченные розги, но я счета не видел, а потому и не подтверждаю... Пришла пора ехать в Кронштадт. Экипаж шел в поход, а потому вскоре я туда отправился... Служба и разгульная жизнь отнимали все время. Вторую флотскую дивизию командовал вице-адмирал Александр Алексеевич Дурасов, у которого я впоследствии был личным адъютантом до его смерти. Дурасов был весьма почтенный человек, тогда ему было лет шестьдесят, он был товарищем Михаила Андреевича Лазарева и Беллинсгаузена. В сражении при Афонской горе в 1807 году был сильно ранен в голову, так что лежал трое суток без признаков жизни и его уже обрекли бросить за борт. Он был человек читающий, образованный, служил в Англии волонтером, а потому владел языком, а также и немецким. Жена его, Марфа Максимовна, была очень умная и светская женщина, по рождению Коробка, дочь бывшего

главного командира Кронштадтского порта, того самого, который, ехав в Петербург, был опрошен шутником-офицером на Гаванском посту: “Кто едет?” Лакей говорит: “Коробка”. – “Ну а в коробке-то кто?” (возок был старомодный.) – “Тоже Коробка!” – ответил сам адмирал. Офицер сконфузился. У него было три дочери. Первая вышла за адмирала Авинова, вторая за Дурасова, третья за адмирала Лазарева. Был сын, Федор Коробка, очень жеманный и женственного воспитания, хорошо вязал и вышивал гладью. Все барыни были бойкие, умные, острые. Слыли за матерей-командирш и за великих сплетниц, что при таком светском воспитании было очень любопытно и поучительно для всех. Вместе со мною поступил в экипаж мой товарищ по Корпусу мичман Леонтий Леонтьевич Эйлер, с которым мы остались друзьями до старости. Он был малый добрый, честный, веселый и неглупый. С ним мы частенько живали вместе, и не раз придется в моих нехитрых записках о нем упоминать. Эйлер был внук знаменитого академика Эйлера, математика. У дивизионного адмирала был назначен вечер, на который он меня и Эйлера пригласил потанцевать после нашей официальной явки. Дико было очутиться вдруг в кругу вовсе незнакомых адмиралов, капитанов и других сановников и офицеров. Но когда заиграла музыка, старшая дочь Дурасова Марфа Александровна подошла к нам и сказала: “Отец мне велел с вами обоими танцевать. Хотите?” “Хотим”, – ответили мы оба в один голос с Эйлером. “Ну, так пойдете”. И мы пошли вальсировать поочередно, а потом она нас представила разным девицам, и мы до ужина плясали без усталости. Итак, первое впечатление было приятное. На другой день пошли отыскивать товарищей. Устроились, конечно, на храпок, нищенски, жили впятером, валяясь на полу, но не грустили, ибо скоро приобвыкли. Дулись в Летнем саду в кегли до изнеможения. Но пришла пора служить. Корабль наш назывался “Воля”. Был о 84 пушках. Правильнее его было называть “Воля” в память взятия укрепления “Воля” в польском мятеже, но Государь Николай Павлович чужой воли не допускал, потому-то так его и окрестил. У острова Сикоря адмиралу Дурасову вздумалось поманеврировать. Шли в кильватер. Сигнал – “Поворотить оверштаг всем вдруг”. Стали ворочать, корабль 15-го экипажа “Фершампенуаз” и даванул в “Волу”, в правую раковину, а себе снес левую. Как тут быть? Делать починку серьезную некогда. Судили-рядили и придумали. Так как я имел репутацию художника, то и меня призвали. “Можно, – говорю, – когда обобьют корму парусиной, то берусь по ней раскрасить окна, чешуи разные и тяги отведу”. И точно, лицом в грязь и не ударил. Когда все было подготовлено, парусина вымазана сажей, отъезжал я на приличное расстояние и командовал старшему маляру – черти мелом так да этак. И после сам, подвесься на беседку, исполнил работу, как следует, так что получил от командира Шихманова полную благодарность. С “Волы” взяли пример и для “Фершампенуаза”».

Как правило, между собой офицеры в Кронштадте жили очень дружно. Зачастую те, кто были хоть немного побогаче, фактически подкармливали своих более бедных сотоварищей. Из воспоминаний офицера и литератора Ф. В. Булгарина: «Первые из молодых людей, с которыми я познакомился в Кронштадте, были мичман Селиванов (помнится, Александр Семенович) и друг его лейтенант Семичевский, добрые и, как говорится, лихие ребята. Селиванов жил открыто, по своему состоянию, и часто приглашал приятелей на солдатские щи и кашу...»

* * *

Значительно отличалась от службы строевого офицера служба штабных офицеров и адъютантов при больших начальниках. Вот как описывает свое адъютантство уже знакомый нам художник-маринист, а тогда еще лейтенант А. П. Боголюбов: «Тут жизнь моя изменилась, я поступил личным адъютантом к Александру Алексеевичу Дурасову, нашему дивизионеру (командиру дивизии. – *В. Ш.*), и сделался членом его семейства, ибо обязательно

ходил к нему обедать каждый день... Теперь служба моя при адмирале давала звание флаг-офицера, так что поход 1846 года я уже совершил на 110-пушечном корабле “Император Александр I”. Проплавав обычным образом, пришли на зимовку в Ревель. Адмирал поселился на Нарвском форштадте. Следовательно, и я нанял вышку поблизости. Здесь жизнь была другого сорта и товарищество изменилось против кронштадтского. Дурасова все уважали, начиная со старика графа Гейдена (герой Наваринского сражения, в ту пору начальник Ревельского порта. – *В. III.*), а потому опять дом его был центром общественной жизни. К Рождеству я уже имел много знакомых между баронами, графами и дворянами города Ревеля. Весь город давал балы и вечера, весьма аристократические... В сентябре было здесь крупное событие. Это похороны нашего славного первого кругосветного мореплавателя, директора Морского корпуса адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна. Умер он в своей мызе Ассе. Печальная церемония началась на Петровском форштадте и шла в Вышгородскую лютеранскую церковь, где он и погребен. Его встретили все три экипажа зимующих здесь кораблей. Войском командовал мой дивизионер А. А. Дурасов... По выходе в море, раз в кают-компании во время штиля офицерство наше развеселилось, и я начал лаять собакой, изображая сердитую и, наконец, вой, когда ее бьют. Адмирал, каюта которого была над нами, в это время сидел у окна и, услышав лай пса, позвал камердинера Степу и спросил его: “Да разве на корабле есть собаки и у кого?” “Да это наш адъютант потешается, Ваше превосходительство, он и петухом очень хорошо поет, уткой крикает и осла представляет”. – “А-а, не знал, ну пусть его тешится”. Когда я пришел к вечернему чаю, добрейший Александр Алексеевич говорит мне: “Знаете, вы так хорошо залаяли, что я просто удивился. Не знал за вами этого нового художества, да и отчего же вы, прежде, не лаiali и не веселились?” “На кубрике, у мичманов, это я давно слышал, Ваше превосходительство, – заявил капитан Струков, – но здесь господин Боголюбов забылся, и, надеюсь, этого больше не будет”. Таким образом, я съел гриб очень горький.

Возвратясь снова в Кронштадт на зимовку, жизнь пошла со старыми приятелями опять приятно и весело. Но вот случилась и невзгода. Наша командирша м-м Беллинсгаузен, не знаю почему, нашла во мне большую перемену в обращении с ее дочерьми и племянницей, хотя я весьма был сдержан вообще, и не стала меня принимать у себя в доме на вечера. За ней последовали и подчиненные, так что я очутился в опале. Кроме меня ostrакизмом наказали еще пятерых из нашей удалой компании, так что мы еще более сблизились и зажили еще веселее в своем кругу. Доискаться причины невзгоды было нетрудно. Я надоел всем карикатурами и передразниваниями. Засудили и за это. Были еще и другие поэзии, но уж очень пошлые, а потому и не надо их. Конечно, все это вместе взятое не говорило в нашу пользу, и многие гнев Беллинсгаузенши считали справедливым. Все это было незлобно, но, право, только шутивно.

Когда узнала о случившемся моя адмиральша Марфа Максимовна, то даже очень обрадовалась и стала утешать, чтобы я не печалился, ибо, что можно ждать от “гувернантки”. А оно и правда, что командирша была мужем своим взыскана из этой среды, почему и якшалась постоянно с французскими воспитательницами, как, например, с м-м Князевой, тоже прежде гувернанткой, и Резниковой. Ареопаг этот решил, что мы, точно, люди неблаговоспитанные, сорванцы и нахалы. Но зато Анна Максимовна Лазарева, родная сестра моей адмиральши, тоже стала очень нам благоволить, и многие другие высокопоставленные дамы, состоявшие в оппозиции с главной командиршей. Некоторые барышни на балах, где была м-м Беллинсгаузен, с нами не хотели танцевать, желая угодить ей. Но мы все-таки веселились другим образом, хоть и не очень похвально по положению и возрасту... Я тут же выучился от одного офицера крепостной артиллерии представлять полководца в гробу, что проделывал после с товарищами с большим успехом. Это было подражание тому, что выделявали куклы у шарманщиков 40-х годов. Наполеон лежал на смертном одре, окруженный маршалами,

супругой и сыном. Маршалы ворочались, простирая руки, некоторые плакали. Словом, это была живая картина, и все пели при этом марш, подражая трубам разных величин.

Раз как-то первая дивизия уж очень набуянила у Марьи Федотовны, так что была принесена жалоба полицмейстеру. Тот пошел сообщить ее дивизионеру адмиралу Андрею Петровичу Лазареву. Выслушав донесение, адмирал сказал: “И только-то, никого не побили офицеры?”. – “Нет, вашество”. – “Ну, так это ничего, я им скажу, чтобы не шалили более и посмирнее себя вели, а наказывать тут нечего. Вот брат мой, Михаил Петрович, так тот перед кругосветным плаванием очень нашалил. Призвал команду со шлюпа своего, да и велел все рамы выставить зимой в бардаке да окна с петель снять и ставни даже и все это сложить на дворе, а за что! Хотите знать? За то, что его клопы там заели да блохи. Он этих бестий страх как не любил”. Полицмейстер почтительно удалился, а офицерам в вечернем приказе было рекомендовано вести себя везде прилично. Таковы были наши почтенные старики-начальники, дай им Бог царство небесное. Сами были молоды и нас понимали. И помню, какое впечатление произвела эта история на молодежь, которая, к чести сказать, имела благодаря старым традициям хороший закал. Какие у нас ни были начальники, но мы их все-таки уважали. Суждение, что все старое глупо и тупо, для нас не было законом. Конечно, будучи более развиты чтением и воспитанием, мы ясно видели, что эти люди не мы, но явного презрения, как вижу нынче во флоте, и зависти друг к другу в нас не было, ибо жил корпусный закон товарищества, который, к несчастью, ушел с новыми преобразованиями, что всех удивляет как в армии, так и на флоте...»

Молодому офицеру было очень важно найти себе влиятельного покровителя. Вот как об этом писал все тот же А. С. Горковенко: «Заграничные кампании в наше время были чрезвычайно редки, а дальние плавания чуть не считались эпохой. Чтобы попасть на эти суда, нужно было пользоваться исключительною протекциею, и даже репутация отличного моряка давала только надежду на звание старшего офицера... Я всегда был так счастлив, что всюду находил себе покровителей. И в этом случае человек, которому я наиболее считая себя обязанным, был П. А. Васильев, занимавший должность начальника штаба Кронштадтского порта. Многими лестными назначениями я был исключительно обязан ему».

А вот описание адмирала И. И. фон Шанца, как сводили концы с концами молодые офицеры, оставшиеся дома на берегу: «... Я решил перебраться в так называемый ковчег, громадный 4-этажный флигель, которого темные стены высились прямо против губернаторского дома. Там в 4-м этаже поместился в скромной комнате об одном окне с лейтенантом К...м, уже пожилым человеком, образованным и обладавшим большою страстью играть на флейте. Вместительность нашей комнаты уменьшалось на целую треть огромную кафельною печкой зеленого цвета... В свободных двух третях комнаты помещались две узкие, старые походные, или, если сказать правду, взятые напрокат из госпиталя, кровати с жесткими тюфяками, заменявших, в случае надобности, диваны. Пара плетеных, белою масляною краской покрытых сосновых стульев и крошечный обеденный столик.

Мичмана, получавшие жалованья всего 600 рублей ассигнациями, что составляет 117 рубль на серебро, жили, не входя в долги, по причине простой, непривлекательной жизни... Скажу про себя, что мне никогда не случалось испытывать нужды в деньгах, и нет сомнения, что главною способствующей этому причиной была лишенная всякой взыскательности жизненная обстановка, окружавшая меня с малолетства... что возможность по воскресеньям съесть кусок свежего мяса считалась уже роскошью. И если к этому прибавить, что я в то время еще не употреблял ни пива, ни вина, ни табаку, то понятно, что все деньги, истрачиваемые моими товарищами, оставались у меня налицо».

А вот уже воспоминания адмирала П. Давыдова о быте молодого морского офицера в Кронштадте в 1779 году: «Пригласил меня к себе в товарищи вместе стоять на квартире мичман Френев, честный человек без всякой лести. Он имел пристрастие, можно сказать, к

математике. И к музыке, в которой и упражнялся неусыпно, будучи во всем воздержан. Он нанял квартиру в 4 рубля на месяц, которая имела прихожую, гостиную и спальню, в коей помещались наши кровати, и кухню. Он был и экономай, он держал наши общие деньги, а я ни о чем не думал. Так как я имел дарование декламировать, то и по обхождению все любили, я же во всех искал... Как началась зима, то завелись балы и я был везде зван, и так, что ежели случусь в карауле, то получал позволение идти на бал... Я почти на всяком собрании декламировал “Честного преступника”, а иногда и веселое, что-нибудь из комедий. Мекензи (будущий адмирал. – *В. III.*) у себя наряжался старухой, и я с ним плясал “Ваньку Горюна”, известную песню. Через это приобрел к себе от высших и от равных уважение. Контр-адмирал Шельтинг хотя обходился со мной весьма фамильярно, однако же, я всегда соблюдал к нему мое надлежащее почтение, за что он меня чрезвычайно любил, даже прочил за меня выдать свою племянницу. Дамы и девицы со мной были ласковы, и я к одной скромной девице почувствовал склонность. Она была дочь госпитального штаб-лекаря Вестенрика. Отец и мать стары, она имела двух сестер, еще были у нее братья. Я, лишившись товарища своего Френева (он ушел в море. – *В. III.*), перешел на другую квартиру и жил в товариществе с мичманом Полибиным. Сколько прежний был постоянен и скромен, сколько сей болтлив и ветрен, сколько тот был бережлив, выдержан и честен, сколько расточителен, роскошен и сребролюбив... За квартиру мы платили 4 рубля на месяц, кушанье брали в трактире одною порцию и сыты были за 4 рубля в месяц, а ужин был особый. В тот же трактир по вечеру мы приходили, брали по одному бутерброду и по бутылке полпива, что каждому стоило 5 копеек, чай мы имели свой. Почти каждый день мы ходили в сад, прогуливаться, и один раз случилось довольно любопытное приключение. Будучи в саду, я сидел в беседке и читал Сумарокова элегии, видел прогуливающихся двух девиц, которые позади моей беседки проходили. И вдруг одна из них бежит к нам и, подняв покрывало, остановилась перед нами, что нас так удивило, что мы были как болваны, и только смотрели на ее прекрасное лицо. Она с усмешкой по-немецки присела и побежала к своей подруге, которая между тем за нами аплодировала, кричав “браво”. Тогда только мы, опомнившись, и пошли за ними, они же почти бежали к лесу, из которого вышел пастор со своею женою. Они к ним присоединились, вышли на проспект, сели в пролетку и уехали. Вот приключение, которым бы привыкшие к волокитству воспользовались, а мы, не будучи еще просвещены в разврате, не знали, как поступить было надобно к обольщению невинности и сожалели о том, что не имели наглости к тому потребной и соответственной. Вот молодость! Мы желали быть порочными и не имели смелости! Какая непростительная глупость! Таким образом, мы проводили время, будучи влюблены: я в большую, а он в меньшую из дочерей Вестенрика, о сем хотя им самим и не смели изъяснить, но через их братьев мы дали им знать... Однако мой товарищ был тем недоволен, что он написал письмо, которое и посылал с братьями... Он купил лент для банта на шляпу и, завернув в сии ленты запечатанное письмо и обвернув бумагой, послал к ней с меньшим братом, с просьбой, дабы потрудились связать ему бант на шляпу, а я послал своей любезной картинку резную, изображающую дерево, на котором два пылающих сердца. В ответ я получил род немецкого форшефта, соответствующего моему объявлению. Я был восхищен, особливо, когда средний брат мне сказал, что моя картинка в рамке над ее кроватью. С сего времени, хотя мы и виделись не так часто на балах или на гулянии в надежде, что мы когда-нибудь соединимся. Между тем, мой товарищ, получив бант, совсем не мыслил о женитьбе и во всякую влюблялся. После плавания... я... явился, куда следует... Святки начались весельем... Я был на балах, катался с гор на коньках, ездил по мызам, виделся несколько раз со своей любезной, уверился, что любим взаимно и казалось желать было нечего».

При этом среди кронштадтских офицеров немало было и тех, кто, не имея ни ума, ни знаний, делали карьеру благодаря своему состоянию, титулам и связям. Из воспоминаний

адмирала П. Давыдова: «Ко мне даже приходил дядька (слуга. – *В. Ш.*) мичмана князя Голицына, человек весьма неглупый и опытный. Он просил меня быть знакомым с его барином для того, чтобы он мог от меня занять что-нибудь хорошее. И, правда, сей молодой еще в корпусе был ужасно туп, а гардемаринном на корабле будучи, упал в трюм и голову рассек об якорную лапу и, хотя его вылечили, он остался еще более туп, нежели был...»

Порой офицеры, положившие всю жизнь на карьеру и внезапно осознавшие, что их честолюбивым мечтам пришел конец, совершали даже самоубийства. Из воспоминаний адмирала П. Давыдова: «Во время посещения императрицей Екатериной Кронштадтской эскадры, следовавшая за ее яхтой яхта, маневрируя, ударила ее в корму. Екатерина испугалась, проснулась и вышла наружу узнать, в чем дело. Раздосадованный Чернышев погрозил кулаком капитану яхты капитану Суковатому и кричал: “Помни этот случай”! Тот, испугавшись, бросился в воду и утонул...»

Заметим, что в конце XVIII – начале XIX века между Кронштадтом и Севастополем существовало серьезное соперничество. Кронштадцев не слишком жаловали на Черном море, а черноморцев – в Кронштадте. Из воспоминаний вице-адмирала П. А. Данилова: «Надобно сказать, что я в Кронштадте был весьма в дурной славе по причине частого обхождения с черноморскими капитанами Оболяниновым и Нелединским, которые также были сюда командированы, как и я, но они написаны были на ревельские корабли и берегом туда уехали прежде меня, они там замечены были невоздержанными. А так как я из Черноморского же флота, то и обо мне заключали то же, к чему многих и зависть побуждала, ибо мы старшинство выиграли, то и старались замарать всех, дабы из службы вытеснить, для чего распространяли до того свое злословие, что все адмиралы, и меня адмирал фон Дезин худо аттестовал. О чем я, узнавши, ходил к нему, спрашивал о причине. А как он не мог ничего объявить кроме слухов, то я убедил его переменить аттестат и когда пошел в море в эскадре адмирала Ханыкова на корабле, то написали ко мне двух лейтенантов невоздержанных, так что я с ними вынужден был стоять на вахте, а третью я дал вахту корпусному офицеру, бывшему с гардемаринами. Адмирал, будучи упрежден ко мне с худой стороны, примечал за мной более всех и испытывал разным образом: поутру рано и вечером поздно призывал меня к себе сигналом, нередко также нечаянно приезжал ко мне, все это он делал, когда эскадра идет под парусами. Во время эволюций я всегда был наверху и по привычке в Черноморском флоте, прежде всех входил в свое место... На другой день призвал меня к себе флагман и он сказал мне, что капитан 1-го ранга Нелединский, как мой приятель и Оболянинов, как мой родственник, то я как ближе всех должен сказать им, чтобы они подали в отставку, тогда им дадут пенсии, а ежели они не согласятся, то будут оставлены без всего, и я принужден был ехать. На рейде был корабль Нелединского, я приехал к нему, и как на его корабль хотел сесть контр-адмирал Беер, то он занимал всю правую сторону кают-компаний. Был 12-й час, как я к нему вошел, он велел подать водки, а я между тем начал ему говорить, что о нем весьма сожалею, что адмиралы обо всех черноморских капитанах весьма дурно думают и говорят, и что я подвержен был великому испытанию, которое как ни жестоко, но я желал бы лучше, чтобы все мы подвержены оному, ибо каждый имел случай себя оправдать, нежели по одним доносам быть несчастным. Но что делать?

– Я принужден тебе сказать, что мне велено. Еще хорошо, отдают на волю!

– Что ты говоришь? – спросил он. – Говори, что тебе велено!

– Ты сам бы это сделал, когда бы предвидел, да и я бы советовал подать в отставку, деревня у тебя есть, пенсию дадут.

– А ежели не подам? – он сказал.

– Хуже сделаешь сам себе, оставят без всего, что и сказать велено!

– Ну, тогда не подам! – закричал он. – Поди, скажи!

Я сколько ни старался вразумить, но он твердил одно и то же. Я уехал к Оболянинову, которого корабль был еще в гавани. Я нашел его дома, поперек кровати лежащего во всей форме с орденами, разбудил и между разговорами сказал ему, что было велено. Он также заупрямился...»

* * *

Отдельный разговор о кронштадтских адмиралах. Разумеется, что среди них, как и везде, встречались люди совершенно разные как по воспитанию, образованию, отношению к службе, так и по образу жизни. Вот пример поведения адмирала в экстремальной ситуации, когда чувство долга было выше боязни за собственную жизнь. Из воспоминаний художника-мариниста А. П. Боголюбова, служившего лейтенантом, об эпидемии холеры в Кронштадте: «Наступила холера 1846–1847 годов. Скучная была жизнь в этой нездоровой крепости, народ мер сильно, адмирал Дурасов храбро ходил по экипажам и больницам, водил меня за собою. Раз я ехал с ним на катере в Раниенбаум, на пути гребец почувствовал себя дурно. Приехав в Ковш, адмирал вышел и тотчас же велел мне отвезти больного обратно в госпиталь. По пути больного терли щетками, но с ним была сильная сухая холера, и, когда его понесли на носилках ребята, он скончался. Впечатление было неприятное, но что делать, от судьбы не убежишь... Я уже в это время был второй год в лейтенантском чине, и мне дали орден Св. Анны 3-й степени, что немало меня установило в среде товарищей. Но осенью добрый мой адмирал А. А. Дурасов вдруг захворал холерою и на вторые сутки скончался. В нем и его семье я потерял истинно добрых и почтенных людей, ибо адмиралыше очень многим обязан по части светского воспитания, которому она меня выучила, часто подсмеиваясь остроумно над моими резкостями слова и действий. Они переехали в Петербург, а я серьезно захворал, что и пригвоздило меня в Кронштадте».

К сожалению, известны факты и нелепости поведения некоторых из российских адмиралов. Из воспоминаний художника-мариниста лейтенанта А. П. Боголюбова: «А ловкий был человек наш морской министр (имеется в виду маркиз де Траверсе. – В. Ш.), я уже выше говорил, как он надувал царя на морских смотрях. То же выделял он и на суше, когда государь приезжал раз в зиму в Кронштадт, где ему представляли экипаж, идущий в караул по городу и крепости, а после обвозили по батареям и местам, выложенным и вычищенным, тогда как рядом везде была мерзость и запустение. Ко дню этому, конечно, готовились целые месяцы, и из матросов комендант генерал-лейтенант делал важных солдат просто на диво. Но вот раз как-то Государь отложил свою поездку со среды на четверг. В рапорте значился 18-й экипаж, на четверг, конечно, нельзя было показать тот же, а следовало идти в караул экипажу 3-й дивизии. Долго не думали, доложили князю о затруднении и получили приказ перешить погоны на мундирах, обменять номера киверов, офицерам эполеты. В ночь всё обделали. И все сошло как по маслу, царь благодарил. Дали полугодовое жалованье офицерам за муку 4-месячную, а матросам по рублю». Что ж, недаром эпоха руководства российским флотом маркиза де Траверсе считается одной из самых драматических и печальных.

Глава четвертая. Братцы матросы

Начиная с петровских времен, в кронштадтские матросы рекрутировались крестьяне определенных губерний, таких, как Ярославская, Костромская, Рязанская и другие. Особенно всегда ценились матросы-рекруты из архангелогородских поморов, так как были приучены к морю с раннего детства и знали корабельное дело. Из журналов заседаний Адмиралтейств-коллегии: «Брать в матросы особливо тех, кто при самых берегах по их жилищу весьма надежно к службе морской и к работе матросской обыкновенно быть имеет». Матросская служба являлась пожизненной. Отставку мог получить только израненный инвалид или уже совсем немощный старец, но до таких лет матросы, как правило, не доживали. Инвалидов также было не слишком много. Немногие уцелевшие могли надеяться, что будут доживать свой век в учрежденном в Кронштадте инвалидном матросском доме.

К прибывающим рекрутам кронштадтские начальники обычно приказывали относиться со вниманием и тщанием. Вызвано это было, однако, вовсе не особой гуманностью, а вполне практичными причинами: «Из имеющихся здесь рекрут отправить в Кронштадт и велеть их обмундировать и содержать их во всяком довольствии и за новостью их в тяжелые работы доколе привыкнут не определять, и для того там расписать в роты со старыми матросами и иметь над ними прилежное смотрение, дабы они от тяжелых работ не приходили в болезни и от недовольства не чинили побегов».

Каждый молодой матрос по прибытии в Кронштадт должен был обязательно избрать из старослужащих матросов себе «дядьку». В обязанности «дядьки» входило обучение «племяша» тонкостям корабельной службы и жизни, а кроме того, его защита от кулаков других старослужащих матросов и «шкур», т. е. унтер-офицеров. Отметим, что инициатива выбора при этом шла не от старшего, а от младшего. Быть «дядькой» считалось у старослужащих матросов почетно и выгодно, так как «племяши» брали на себя многие бытовые заботы своего «дядьки»: стирать его одежду, делать приборку и т. д., а потому чем больше было племяшей у «дядьки», тем лучше и сытнее ему жилось. Ну а молодые матросы, в свою очередь, старались, чтобы их «дядькой» был наиболее авторитетный старослужащий матрос со здоровенными кулаками.

Выбрав себе «дядьку», молодой матрос просил разрешения стать его «племяшом». Если «дядька» не был против, то молодой матрос давал ему присягу на верность, что будет во всем его слушаться и повиноваться. После этого новоиспеченный «племяш» через того же «дядю» покупал не менее двух бутылок водки. Далее следовал ритуал обмывания родственных отношений. «Племяшу» при этом наливали стакан водки и бросали в него кусочки хлеба и колбасы (это назвалась «мурцовкой»), остальная водка распивалась дядькой и взводным унтер-офицером, который приглашался как свидетель. Отныне «племяш» обязан был быть преданным во всем своему «дядьке», пока тот не уволится в запас, а сам «племяш» станет «дядькой» для новых молодых матросов. Что касается офицеров, то все они прекрасно знали об этой неофициальной структуре подчиненности, но ничего против не имели, так как она помогала поддерживать порядок на корабле.

На протяжении всего времени существования парусного флота в Кронштадте именно «дядьки» осуществляли основное обучение нелегким морским премудростям молодых «племяшей» – ведь в ту пору не существовало специальных учебных отрядов. Рекрутов сразу же отправляли на суда, а там уж каждый как сумеет. Поэтому система «дядька» – «племянник» была, по существу, единственно возможной формой выживания молодых матросов на судах.

* * *

Весьма оригинальными были в первой половине XIX века в Кронштадте проводы матросов в плавание. Спецификой Кронштадта было то, что более полугода его суда не плавали, а стояли в гаванях на зимовке. Объяснялось это ранним замерзанием Финского залива. Плавать в XVIII – XIX веках начинали не ранее мая, а в октябре флот уже бросал якоря в Кронштадте. Зимой команда съезжала в казармы, на судах снимали стеньги, выгружали припасы пороха и имущество, порты законопачивали, а палубы затягивали для лучшей сохранности парусиной. Весной суда начинали вооружать, т. е. опять ставя стеньги, загружая боезапас и всяческие припасы. Наконец наступал день переезда команды на судно, называвшийся «переборка команды». Так как на берегу матросам чарки не давали, многие всю зиму с нетерпением ждали начала кампании и положенных ежедневных чарок с пивом. Офицеров с началом кампании ожидала существенная прибавка к жалованью. По заведенной еще царем Петром традиции день этот считался праздничным, и начальство позволяло матросам всяческие послабления. Дальние плаванья матросы зовут – «безвестная», т. к. вестей из дома там не было и неизвестно когда возвращаться.

Вначале команда отмечала «переборку» на судно в казарме, затем по дороге на судно и в кабаках. Офицеры смотрели на это сквозь пальцы – традиция есть традиция!

Из книги лейтенанта В. Максимова «Вокруг света. Плавание корвета “Аскольд”»: «В казармах на нарах прощались с друзьями и женами. Муж, сильно подвыпивший, крепко обнимает свою сожительницу и ласково утешает ее. Жена хнычет и жалуется:

– Ваня, голубчик, на кого ты меня покидаешь! Хошь и жили как собака с кошкой, а все ж таки тошно расставаться!

– Эх, не плачь, Аксинья, душечка, може, еще и свидимся! А что еду, на то царская воля, ей не перечь! Ну, коли много бил тебя, за то прости, Аксинья, душечка. За это самое четыре года бить тебя не стану! – утешает матросик, крепко обнимая дрожайшую половину.

Последняя утешается этим непреложным выводом и перестает хныкать. Муж же, одолеваемый винными парами, понемногу склоняется и сладко засыпает на коленях своей нежной супруги.

В другом углу казармы муж читает своей жене нотацию:

– Ты у меня смотри, Акулина, с другими не валандайся, матросского имени моего не срами, а то, как приеду, все твои косы повыдергаю. Хорошо жить будешь, ей-ей гостинцев заморских навезу!

– Я, Яков Матвеевич, – говорит Акулина, – буду жить, как Бог велел, и порочить имя твое не стану.

– То-то, – отвечает Яков Матвеевич, – ты у меня смотри!

И это “смотри” было сопровождается таким ужасным жестом, что Акулина со страхом попятилась назад.

– Не бойся, Акулинушка, не бойся! – успокаивает ее Яков Матвеевич. – Побью тогда только, когда баловать станешь, а не станешь, так и на што бить-то?»

Перед переселением команды на судно отправляли возы с матросским скарбом. За возами шла команда в строю под музыку, сопровождаемая земляками друзьями, женами и детьми. Впереди команды вели традиционного козленка с выкрашенными рогами и бубенцами на шее. Все кричали «ура», горланили песни:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.